

ФОНД ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРЫ "СЕРДЦЕ АЗИИ"

**НИКОЛАЙ
РЕРИХ**

**СЕРДЦЕ
АЗИИ**

Алматы 2007

ФОНД ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРЫ "СЕРДЦЕ АЗИИ"

**НИКОЛАЙ
РЕРИХ**

**СЕРДЦЕ
АЗИИ**

Алматы 2007

УДК 91
ББК 26.89
Р 42

Р 42 Рерих Н.
Сердце Азии. – Алматы, 2007. – ... с.

ISBN 9965-32-047-0

Предлагаем вашему вниманию, уважаемый читатель, переиздание вышедшей в 1929 году в издательстве «Алатас» (Нью-Йорк, США) книги Николая Константиновича Рериха (1874 – 1947) – художника, ученого, путешественника, общественного деятеля, выдающегося подвижника культуры.

Книга «Сердце Азии» составлена из фрагментов путевого дневника Центрально-Азиатской экспедиции, предпринятой академиком Рерихом в 1925-1928 гг. Маршрут экспедиции проходил от Дарджилинга на севере Индии, через западные отроги Гималаев, Синьцзянь (Китай), Казахстан, Алтай, Монголию и неисследованные области Тибета. Цели экспедиции – художественные, научно-исследовательские, в том числе изучение памятников древности, состояния религий и верований, следов переселения народов. Постоянными членами экспедиции были жена художника Елена Ивановна Рерих (1879-1955) и старший сын, востоковед и лингвист Юрий Рерих (1902-1960). В книгу включены легенды, сказания, пророчества о таинственной стране «ослепительного света» – Шамбале, собранные в ходе экспедиции.

Издание иллюстрировано фотографиями, сделанными Рерихами в ходе Центрально-Азиатской экспедиции (кроме фотографий оз. Зайсан, р. Иртыш и г. Усть-Каменогорска). Для широкого круга читателей.

Печатается по изданию: Н.К. Рерих «Сердце Азии», издательство «Университетское», Белорусский Фонд Рерихов, Минск, 1991 с сохранением правописания оригинала.

Фонд поддержки культуры «Сердце Азии» выражает благодарность Международному Центру Рерихов (Москва) за предоставление прав на данное издание.

Р 1805030000
00(05)-07

ББК 26.89

© Рерих Н., 2007
© Фонд поддержки культуры «Сердце Азии»

W. Roerich.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА „АЛАТАС“

Путешествуя по Азии, часто в условиях лишения и одиночества, и накапливая еще неведомые миру знания, Н. К. Рерих и там не забывал нас и в 1926 году рекомендовал и помог издать другую замечательную книгу, переведенную с восточных языков нашей высокою сотрудницею Искандер Ханум и имеющую название „Чаша Востока“. Освещающая и открывающая новые благословенные пути, которыми проходил сам Рерих, эта книга проливает новый свет на судьбы Человека и Вселенной.

Предлагаемая книга „Сердце Азии“ являет собою следующую ступень по тем же Путям Благословения и в самой сжатой форме, с присущей только Н. К. Рериху проникновенностью во все сущее, дает изображение Азии в ее теперешней бытовой и духовной сущности. За пять с лишним лет непрерывных наблюдений и любовного, многостороннего изучения почти всех стран Востока Н. К. Рерих, конечно, уловил ритм вечного и теплого, живого биения сердца Азии. Он впервые и неподражаемо воплотил в свои бессмертные полотна священный лик Гималаев. Он поднял из праха многоцветные знамена Востока, и только он в нашу эпоху мог угадать и изучить значение таинственного и могучего движения, именуемого Шамбала. Перешедший тридцать пять высочайших хребтов Азии и пересекший почти все пустыни Индии, Тибета, Китая и Монголии, Н. К. Рерих является одним из тех легендарных путешественников, для которых препятствия не существуют. Поистине только такой наш современник может созидать, отсутствуя. Только такой строитель может руководить на расстоянии самой грандиозною постройкой одновременно в Европе, в Америке и в Азии. Поэтому понятен тот энтузиазм, с которым наш великий соотечественник был встречен в Америке после возвращения его из пятилетней экспедиции. Еще никогда Россия не встречала собственных героев так, как Америка встречала гостя из восточных стран.

Вот почему, в особенности в связи с предстоящим 17 октября 1929 г. открытием в Нью-Йорке нового грандиозного здания, созданного для художественно-просветительных учреждений и для музея имени Н. К. Рериха, а также в связи с предстоящим в тот же день сорокалетием его художественной и ученой деятельности, нам радостно дать нашему читателю эту новую книгу только что спустившегося с высот Азии мирового художника, мыслителя и зоркого провидца благословенных путей человеческих.

СЕРДЦЕ АЗИИ

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?

От Брамипутры до Иртыша, и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии – всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив срединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами расprostерлись изгрызенные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культуры. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращенное известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими, как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни. В самых отдаленных пустынях, посмотрите, что говорят люди о деятелях цивилизации и гуманизма?

Имя Форда проникло в самые отдаленные хутоны и становища. Среди песков Такламакана длиннобородый мусульманин спрашивает:

„Скажите, по старой китайской дороге может пройти Форд?“

И около Кашгара спрашивают:

„А не может поднять наши поля трактор Форда?“

В Китайских Урумчах, в Калмыцких степях, по всей Монголии, слово Форд употребляется как синоним движущей мощи.

Седобородый старовер в отрогах Алтайских гор и кооперативная молодежь говорят с завистью:

„В Америке вы имеете Форда, но ведь у нас-то его нет?” Или: „Если бы только Форд был здесь”.

Даже в Тибетских нагорьях живет мечта поднять в разобранном виде моторы через горные проходы.

Проходя быстрые потоки, они спрашивают:

„А что, Форд пройдет здесь?”

Взбираясь на высоты, они опять спрашивают:

„А мог бы Форд взобраться здесь?”

Точно бы они говорили о каком-то сказочном великане, который может превозмочь все препятствия.

И другое американское имя вошло в самые удаленные местности. В заброшенном углу Алтая в избе на самом почетном месте, где обычно хранились священные изображения, внимание привлекается знакомым лицом. Пожелтый портрет, вырезанный из какого-то случайно дошедшего журнала. Присматриваетесь и узнаете, что это не кто иной, как президент Гувер. Старовер замечает:

„Это тот, который народ кормит. Да есть же такие замечательные люди на свете, которые не только свой, но и чужие народы накормить могут. А ведь народный рот не мал”.

Старик сам не получил никакой посылки из А. Р. А., но живая легенда прошла реки и горы и сказала, как щедрый Великан добросердечно распределяет пищу и может накормить все народы мира.

На окраине Монголии, вы можете думать, никакие сведения из внешнего мира не проникнут туда. Но в забытой юрте монгол опять рассказывает вам, что где-то за океаном живет великий человек, который кормит все голодающие народы. При этом с большою трудностью произносится имя, которое звучит как-то между Гувером и Куверой - почитаемым буддистами богом счастья и богатства. В самых неожиданных уголках

владеющий языками путник может встретиться с вдохновляющей легендой о великих людях, работающих на общее благо.

Третье выдающееся культурное имя, широко известное в пространствах Азии, - имя сенатора Бора. Письмо от него будет всегда служить хорошим паспортом. Иногда в Монголии, или на Алтае, или в Китайском Туркестане вы можете слышать странное произношение этого имени. Вы слышите:

„Бория сильный человек”.

Таким образом мудрость народов судит о лучших людях нашего времени.

Это так ценно слышать. Так ценно сознавать, что эволюция человечества своими несказуемыми путями пробивает путь в будущее.

Всюду шел с нами Американский флаг, прикрепленный к монгольскому копыю. Он сопровождал нас по Сэндзяну, по Монгольской Гоби, по Цайдаму и Тибету. Он был парламентаром во время столкновения с дикими панагами. Он приветствовал Тибетских губернаторов, князей и генералов.

Много друзей он встретил и только нескольких недругов. Но и эти немногие недруги были совершенно особого свойства: губернатор Северной крепости Тибета Нагчу, который уверял, что существует только семь стран вообще. Другой был Ма, даотай Хотана, который вообще ничего не знал и был известен только убийствами. Но зато друзей было много. Если бы вы видели, с каким жгучим интересом рассматривались открытки Нью-Йорка и слушались повести об Америке, вы были бы рады знать, что такое множество простых людей тянется к культурным завоеваниям.

Уже Будда заповедал о железных птицах на пользу человечества.

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках все-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого.

Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный слобод мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественностью, и знаками падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, мое главное устремление, как художника, было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления - так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но, тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других

огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

* * *

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, северный Пенжаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Ново-Николаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, Хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Дабан, Улан-Дабан, Чахариин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кокушили, Дунгбуре, Танг-Ла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цаг-Ла, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Тангла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего

каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Тангла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор наш, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, еще трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки „сура“, выразившиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотой и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15 000 футов высоты. Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен, спасти их могло бы лишь одно, а именно: спустить их с 17-18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7-8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьезных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом.

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники-ладакцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом, как людям, так и животным,

благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допустимо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням тоже перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоразмерная работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливало нарушенное кровообращение.

Среди особенностей снежных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытали ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам, и особенно Е. И., так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

Мы имели еще три неприятности в караване, а именно: явления сердечные, от которых погибли трое, и явление простудное, унесшее двоих. Кроме того, несколько людей в караване страдало от цинги, и в том числе заведующий транспортом П. Надо отметить, что в северном Тибете среди местного населения мы видели много случаев сильной цинги.

Кроме основного состава экспедиции из Е. И., Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами были Святослав и лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов совре-

менности. Каждый шествующий по Сиккиму встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шел в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг. На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошел доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е. И., местные казачки, сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей, Рае, при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трех женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определенно отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошел полковник К. и заведующий хозяйством Г.

* * *

Начнем с Сиккима.

Необыкновенно благостное впечатление производит эта благословенная страна, связанная с воспоминаниями о великих подвижниках религии. Здесь жил Падма Самбхава, основатель красношапочной секты; здесь проходил на Тибет Аттиша, возглашавший учение Калачакры; здесь по пещерам пребывали многие аскеты, наполняя пространство своими благими мыслями.

За Киченджунгой в подземельях и до сих пор пребывают затворники, и только дрожащая рука, протянутая по условному знаку за пищей, показывает, что физическое тело еще не отошло. Все 17 вершин Гималаев сияют над Сиккимом. С запада к востоку: Канг, Джану, Малый Кабру, Кабру, Доумпик, Талунг, Киченджунга, Пандим, Джубони, Симву, Нарсинг, Синиолчу, Пакичу, Чомомо, Лама, Андем, Канченджау. Целая снеговая страна, меняющая

свои очертания при каждом изменении света. Поистине неисчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая.

Нигде на земле настолько не выражены два совершенно отдельных мира, мир земной с богатой растительностью, с блестящими бабочками, фазанами, леопардами, енотами, обезьянами, змеями и всей неисчислимой животностью, которая населяет вечнозеленые джунгли Сиккима. А за облаками в неожиданной высоте сияет снежная страна, не имеющая ничего общего с кишашим муравейником джунглей. И этот вечно волнующийся океан облаков и непередаваемых разнообразий туманов.

Киченджунга одинаково обращала внимание как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы, выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась блистающая Лакшми для счастья мира. Общее благостное впечатление поддерживается и монастырями Сиккима. На каждом бугре, на каждой вершине, сколько хватает глаз, вы замечаете белые точки - это все прилепились твердыни учения Падмы Самбхавы, официальной религии Сиккима. Махараджа Сиккима, живущий в Гантоке, глубоко привержен религии. Супруга его Махарани, тибетского рода, является для Тибета совершенным исключением по своей просвещенности. Большинство монастырей Сиккима связано с теми или иными реликвиями и древними традициями. Здесь пребывал сам Падма Самбхава. Там учитель медитировал на скале, и если скала дает новые трещины, это значит, что окрестная жизнь уклоняется от праведного пути. Монастырь Пемаяндзе является официальным средоточием религии Сиккима. Подле монастыря еще сохранились развалины древнего дворца Махараджи. Но гораздо большим духовным значением пользуется лежащий в одном переходе от Пемаяндзе старый монастырь Ташидинг. Туда каждому путешественнику следует заглянуть, хотя путь через бамбуковый мост над гремящим потоком труден. Мы были в Ташидинге в феврале, на Тибетский Новый

Год, когда тысячная толпа из местных селений придает месту необычайную живописность. К этому же времени в Ташидинге совершается и ежегодное чудо с чашею.

Древняя каменная чаша ежегодно до половины наполняется водою и в присутствии лам и представителей махараджи запечатывается. Через год, в день Нового Года в присутствии тех же свидетелей ларец, в котором заперта чаша, распечатывается. Снимаются с чаши старинные ткани, в которые она обернута, и по состоянию воды произносится предсказание о будущем. Вода или убывает, или, как говорят, иногда прибывает. Так, указывают, что в 1914 году, перед великой войной, вода сильно прибыла, что означало войну и бедствие.

Во всех монастырях Сиккима замечается приветливое отношение к иностранцам, и дружелюбная атмосфера ничем не нарушается. Настоятели монастырей охотно показывают свои сокровища, среди которых немало предметов старинной прекрасной работы. Мы были в Сиккиме во время третьей неудачной Эверестской экспедиции, и ламы говорили нам:

„Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам принимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле”.

В этих местах многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно.

Недавно в Дарджилинге произошел характерный эпизод со стариком ламой. Во время какого-то уличного столкновения вместе с участниками беспорядков был захвачен полицией и старик лама, случайный зритель. Лама не протестовал, и вместе с прочими был осужден на известное время ареста. Когда же истек срок ареста и лама должен был быть освобожден, он заявил, что просит его оставить в тюрьме, так как это самое спокойное место и наиболее пригодное для концентрации.

Сикким сопровождает нас чудесными благостными преданиями. В храме гремят гигантские трубы. Лама спрашивает:

„Знаете ли, отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах?“

И поясняет:

„Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест Благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий Лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука“.

„И знаете ли, отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и Китайском Императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, Император сделал для него сидение из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: „Если вы все знаете, как же вы сели на священные книги?“ - „Здесь нет священных книг“, - ответил лама. И изумленный Император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал Император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: „Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря“. И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки“.

И о талисманах поясняет лама:

„Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: „Вот умру перед тобою, если не принесешь теперь мне“. Но побывал сынок в Лхассе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: „Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?“ Подает он ей зуб собачий и говорит: „Это зуб Будды“.

И кладет мать зуб на божницу, и творит перед ним самые священные молитвы, и обращает свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы”.

Несмотря на краткость изложения, не могу не упомянуть еще о случаях волевых приказов, которые происходят в этих местах. Во время пребывания Таши-Ламы в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут Таши-Лама исчез из вида. Дело происходило в саду, - присутствовавшие бросились искать Таши-Ламу, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Таши-Лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него суетились тщетно искавшие его люди. Или другой случай волевого воздействия. В поезде Бенгальской железной дороги был обнаружен безбилетный Садху, которого и высадили на следующей станции. Садху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижимым. Дали звонок к отходу поезда, но поезд не тронулся. Публика, недовольная высадкой святого человека, обратила на это внимание. Второй раз должен был тронуться поезд и опять не двинулся. Тогда пассажиры потребовали пригласить Садху занять свое прежнее место, и святой человек торжественно был введен обратно в вагон, после чего поезд благополучно тронулся.

Не буду останавливаться на Бенаресе, но удивимся, что большая часть Сарната, памятного места, где Будда начал свою проповедь, еще лежит под буграми, нераскопанная. И те развалины, которые обнаружены сейчас, тоже вскрыты сравнительно лишь в последнее время. Странная судьба окружает большинство мест, связанных с личными трудами основателя Буддизма. Капилавасту в развалинах, Кушинагара тоже, Сарнат еще не вскрыт окончательно. В этом есть какое-то особое значение.

До недавнего времени некоторые ученые даже пытались доказать, что Готама Будда никогда не сущест-

вовал. Несмотря на неоспоримые факты огромной буддийской литературы, несмотря на надписи на древних колоннах царя Ашоки, французский ученый Сенар в своем исследовании утверждал, что Будда никогда не существовал и есть не что иное, как солнечный миф. Но и тут точное знание восстановило человеческую личность Учителя Готама Будды. Урна, датированная надписью, с частью золы и костей Будды вскоре была найдена в Пиправе, в Непальском Терае. Такая же историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канишкой и найденная около Пешавара, также определенно свидетельствует о смерти Великого Первоучителя Буддизма. Любопытно отметить, что последняя находка была сделана на основании записей старых китайских путешественников. Вообще нужно отдать справедливость старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз.

Северный Пенжаб дает массу исторического материала, как по древнейшей эпохе Индии, в Харапа, на севере Лахора, также и по индийскому средневековью от восьмого века нашей эры. Не забыт здесь и Буддизм, хотя официально и не проявляемый. Готама-Риши, как местные пенжабцы и пахари называют Будду, находится в большом почете. Развалины древних буддийских храмов с явно буддийскими изображениями показывают, что и здесь на древних путях из Тибета религия Буддизма давно процветала. В одной долине Кулу считается триста местных почитаемых Риши. Эти места связаны с самыми большими именами. Говорится, что сам Арджуна из Кулу проложил подземный ход в Маникарн. Здесь же в Махараджестве Манди находится знаменитое озеро Равалсар, соединенное в предании с именем Падмы Самбхавы. До сих пор множество лам со стороны Шипки перевала и Ротанга спускаются в долину для почитания памяти Учителя. Места, насыщенные воспоминаниями! Ведь Манди и Кулу являются тою замечательною странною Захор, которой отведено такое внимание в Тибетской литературе. Знаток местности доктор А. Х. Франке

в своей книге „Древности индусского Тибета”, стр. 123, приводит следующие указания д-ра Фогеля: „Позвольте мне добавить несколько замечаний о Манди, собранных из Тибетских исторических трудов. Не может быть сомнения в тождестве Тибетского Захора с Манди. Во время нашего посещения Равалсара мы встретили многих тибетских паломников, которые сказали, что они идут в Захор, подразумевая Махараджество Манди. В жизнеописании Падмы Самбхавы и в других книгах этого времени Захор часто поминается как место, где учитель жил - 750 [лет – ред.] после Р. Хр. Знаменитый буддийский учитель Ракшита, ушедший в Тибет, родился в Захоре. Опять во время Ралпакана, 800 [лет – ред.] после Р. Хр., мы находим утверждение, что во время царствования его предшественников множество религиозных книг было перенесено в Тибет из Индии, Захора и Кашмира. Захор был средоточием буддийского просвещения. Указывается, что под тем же царем Захор был завоеван тибетцами. Но во время его преемника апостата, царя Лангдармы, было принесено множество религиозных книг в Захор, чтобы спасти их от уничтожения. Между тибетцами существует предание о нахождении скрытых книг в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, относится к упомянутым книгам. Мр. Ховель, британский правитель Кулу, передавал мне, что Такур Колонг в Лахуле был однажды извещен высоким ламой из Непала, где именно скрыты эти книги”.

Видите, какие замечательные традиции связаны с Кулу и Манди. Ведь ученый мир до сих пор тщетно мечтает найти древнейшие экземпляры буддийских книг.

Не только буддийские памятники, не только имя Арджуны связано с долиною Кулу, но сам первый законоположник Ману дал имя месту Манали. Здесь в долине Кулу жил Виаса, слагатель Махабхараты. Здесь Виасакунд - священное место исполнения всех желаний.

На границе Лахуля имеются на скале изображения мужчины и женщины до 9 футов роста. О них рассказывают то же самое, как и об изображениях Бамиана в Аф-

ганистане, а именно, что рост их соответствует величине роста древних жителей этой местности.

Также насыщены древностью и области Кашмира. Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого Буддизма, как Нагарджуна, Асвагоса, Ракшита и многие другие, впоследствии пострадавшие при замене Буддизма Индуизмом. Здесь и трон Соломона, и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки. Не говорю о самом Шринагаре. Правда, в примитивных кладках набережных каналов и фундаментах строений можно видеть отдельные камни отличной резьбы, принадлежащие времени расцвета. Но это частичные обломки, не имеющие ничего общего с современным, чисто переходным состоянием города.

В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытие. Ученики похитили Его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.

Древний караванный путь от Шринагара до Леха делается в семнадцать переходов, но обычно предлагается задержаться на день или на два. Только случаи крайней поспешности могут заставить сделать этот путь без перерывов. Такие незабываемые места, как Маулбек, Ламаюра, Базгу, Саспул, Спитуг, заставляют остановиться и запомнить их, как сродножественной, так и с исторической стороны. Маулбек, теперь одряхлевший монастырь, судя по развалинам, когда-то был настоящей крепостью, отважно утвердившись на вершине скалы. Около Маулбека, на самой дороге, вы будете поражены древним гигантским изображением Майтрейи. Вы чувствуете, что не тибетская рука, но, вероятно, рука индуса во время расцвета Буддизма трудилась над ним. Фахиэн, китайский путешественник, в своих записках упоминает в этих местах огромное изображение Майтрейи. Думаем, не относится ли его указание именно к этому изваянию. Когда мы уже подходили к Хотану, случайно узнали, что на обратной стороне скалы, носящей изображение, находится древняя китайская надпись. По месту мы могли ожидать и санскритскую, и тибетскую, даже монгольскую надпись, но китайская надпись совершенно неожиданна. Пусть следующий исследователь осмотрит скалу Майтрейи с обратной стороны. Двигаясь дальше, вы привыкаете к этим романтическим памятникам и постройкам, взлетевшим, как орлы, на безводные вершины. Но первое впечатление, как всегда, бывает самое поражающее.

Нужно было иметь и чувство красоты и мужественную самоотверженность, чтобы укрепляться на таких высотах. Во многих подобных безводных жильях в скалах были пробиты подземные ходы к реке, чтобы мог пройти груженный ослик. Эта сказка подземных ходов, как увидим, сложила многие, самые лучшие предания. Так же, как и в Сиккиме, Ладакские ламы оказались приветливы, терпимы к прочим верам и внимательны к

путешественникам, как и подобает буддистам. Все три учения ламаизма выражены в Ладаке. Гелукпа - желтая вера, преподанная Дзонг-Капой; красношапочники, последователи Падмы Самбхавы, и даже Бонпо, так называемая черная вера, древнейшего до-буддийского происхождения. Эти почитатели богов Свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими Буддизм, но, с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература Бонпо еще не переведена и не истолкована и, во всяком случае, заслуживает вдумчивого внимания.

С особенным интересом мы подходили к Ламаюре. Этот монастырь считается твердыней Бонпо. Конечно, Бонпо Ламаюры не настоящее. Оно уже значительно слилось с Буддизмом. В монастыре имеется и изображение Будды, а также изображение Майтрейи, что - как увидим - совершенно не совместимо с основами черной веры. Но сам монастырь и его местоположение совершенно исключительны по своей сказочности. Мы думали, если в Ладаке - в Малом Тибете - находятся такие чудесные вещи, то что же должно быть в самом великом Тибете? Такое же величественно романтическое впечатление оставляет Базгу, где существующие храмы переплелись с развалинами. Эти развалины лежат на совести Зоравара и прочих кашмирских завоевателей, которые на пути своем, завоевывая Ладак, нещадно истребляли Буддийские монастыри. Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длинейших стен по зубцам скал - все это говорит о бывшем процветании Ладака и о мужественном духе его бывших созидателей. Имя Великого героя Азии, Гессар Хана, овеивает эти места.

В Каладзе около старого форта на зыбучем мосту через желтый гремящий Инд вы слушаете повесть о том, как рука кашмирца Сукамира, разбитого ладакцами, в знак назидания была прибита на этом мосту. „Но,

- добавляет рассказчик, - кошка съела эту враждебную руку, и для сохранения назидания ее пришлось заменить рукою одного умершего ламы". Таковы неожиданности судьбы.

В Саспуле опять прекрасный храм с древнейшими изображениями Майтрейи. Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей.

Так, уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддийские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки Буддизма. Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Сензиане, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристнигары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать.

В Ниму, маленьком месте на высоте около 11 000 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е. И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до него, как вспыхнуло большое розово-лиловое пламя цвета напряженного электричества, об-

разовавшее как бы целый костер около фута высотой. Е. И. с криком: „огонь, огонь!” разбудила меня. Вскочив, и увидел следующее. Темный силуэт Е. И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е. И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырылся из-под рук, рассыпаясь на части. Эффект от прикосновения был лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя уменьшалось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов. Нам случилось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явление подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шаровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге в Кашмире, в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубиное яйцо, мы наблюдали всевозможные виды молнии. В Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления. Помню, как в Чунаргене, на высоте около 15000 футов, ночью проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различного рода поверхностям - к дереву, бумаге, брезенту - и всюду получался тот же синий свет, неосязаемый, без треска и без запаха.

Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15-16 000 футах; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность - все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи - это место для искреннего ученого. Когда

мы вспоминали книгу профессора Милликана „Космический Луч“, мы думали, вот бы этому замечательному ученому произвести исследования у Гималайских высот. Пусть это будут не мечты, но пусть эти пожелания, во имя науки, обратятся в действительность.

Сам Лех - резиденция бывшего Ладакского Махараджи, теперь завоеванный Кашмиром, является типично тибетским городом с множеством глинобитных стен, с храмами и целыми рядами ступ субурганов, которые придают месту торжественную молчаливость. На высокой скале завершает город восьмизэтажный дворец Махараджи. По приглашению Махараджи мы остановились там, занимая верхний этаж этой колеблющейся под порывами ветра твердыни. При нас рухнула одна дверь и часть стены, но виды с верхней плоской крыши заставляли забыть о непрочности древнего строения. Под дворцом расстился весь город. Базар, наполненный шумливыми караванами, фруктовые сады. За городом тянулись поля ячменя. Гирлянды звонких песен кончали дневную работу. Живописно ходили ладакские женщины в высоких меховых шапках с поднятыми ушами и длинной повязкой по спине, украшенной множеством бирюзы и металла. На плечи обычно накинута, как древнее византийское корзно, шкура яка, скрепленная пряжкой на правом плече. Более богатые носят это корзно из цветной ткани, еще более в этом наряде напоминающие некоторые византийские иконы. И фибулы-пряжки на правом плече мы могли бы найти в северных и даже скандинавских погребениях.

Недалеко от Леха на каменистом бугре находятся древние могилы, называемые доисторическими и напоминающие друидические древности. Также недалеко место стоянки монголов, пробовавших завоевывать Ладак. В этой же долине находятся несторианские кресты, еще раз напоминающие, как широко по Азии было распространено несторианство и манихейство.

В Лехе мы опять встретились с легендой о пребывании Христа. Индус почтмейстер Леха и некоторые

подачи-буддисты говорили нам, что в Лехе находился подалеку от базара пруд, и теперь существующий, около которого росло старое дерево, под которым Христос говорил проповеди перед своим уходом в Палестину. С другой стороны, мы слышали легенду, рассказывающую о том, как Христос, в юных годах, прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях. К этой легенде, так широко обошедшей Ладак, Сонцзян и Монголию, мы слышали несколько вариантов, но все они утверждали, что в течение лет отсутствия Христос находился в Индии и в Азии. Безразлично, откуда и как пришла эта легенда. Может быть, она исторического происхождения. Ценно видеть, что она произносится с полным доброжелательством.

Вообще вся атмосфера Ладака для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан. Предлагались две дороги, одна через семь перевалов и другая по реке Шайоку с меньшим числом перевалов, но зато с долгим путем по воде. Люди каравана предпочитали горные перевалы, нежели в сентябре простудиться в довольно глубоком Шайоке. 10-го сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо монсун Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгонял нас на север.

* * *

Не успели мы выйти за город, как навстречу нам вышли местные женщины с освященным ячьим молоком и помазали им лбы людей и животных, желая удачного пути. И они были правы, ибо путь через перевалы может быть очень суров. Впоследствии в Хотане мы видели людей, привезенных с перевалов с почерневшими отмороженными ногами, и слышали рассказ, как за год до нас около Кардонга был найден замерзшим целый караван - около ста лошадей. Люди были найдены стоящими в жизненных позах, некоторые приложив руки ко рту,

видимо, кричали последний призыв. И действительно, на высотах в морозное утро необычайно быстро наступает охлаждение конечностей. Заботливые ладакцы то и дело подбегали с предложением растереть ноги или руки.

Из семи перевалов этого пути - Кардонг, Караулдаван, Сассер, Депсанг, Каракорум, Сугет и Санджу - самый опасный оказался Сассер, а именно подъем по гладкой сферической поверхности ледника, где лошадь Юрия почти соскользнула.

Также неприятен последний перевал Санджу, где на скалистом кряже як должен был перескочить довольно широкую расселину. Не трогайте поводья, дайте опытному горному яку сделать свое дело. Перевал Сугет готовил нам неожиданное затруднение. Подъем на него с южной стороны очень легок. Но грянула сильная метель, и, подойдя к крутому спуску, мы убедились, что тропинка, идущая зигзагами вниз, совершенно занесена. У обрыва столпилось четыре каравана, около 400 коней и мулов. Сперва пустили партию опытных старых мулов без проводников, и осторожные животные, пробиваясь в глубоком снегу, нащупали узкую тропинку. За ними, оступаясь и скользя, сошли остальные караваны. Из всех семи перевалов самый легкий оказался самый высокий Каракорум, что значит „черный трон“, названный по темной скале, венчающей перевал.

Рассказать красоту этого многодневного снежного царства невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы.

При этом поражающее звонкое молчание пустыни. И люди перестают ссориться между собою, и стираются все различия, и все без исключения впитывают красоту горного безлюдья. По пути встречаются трогательные караванные традиции. Много раз мы видели оставленные тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраненные. Может быть, пали животные или обесси-

лели, и товары оставлены до следующего случая. Но никто не тронет эту чужую собственность. Никто не дерзнет нарушить вековую традицию караванов. Мы улыбались, а что если бы в городе на улице оставить тюки неохраненной собственности? Все-таки в пустыне вы в большей безопасности.

Где в точности проходит граница между Ладаком и Китайским Туркестаном, никто не знает. Там где-то, между Каракорумом и Курулем, где находится первый китайский пост. Точно прекрасной пустыней никто не владеет! Точно чья-то неведомая страна! Даже животных мы видели мало. Встречных караванов тоже немного. Среди них нам попалось несколько верениц мусульманских паломников в Мекку, идущих с товарами заработать себе зеленую чалму и почетное прозвище хаджи. Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров поднимаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразие люди – Ладакцы, Кашмирцы, Афганистанцы, Тибетцы, Асторцы, Балтистанцы, Дардистанцы, Монголы, Сарты, Китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни.

Курул, первый китайский пост на Ерункаш-Дарье - реке черного нефрита, - представляет из себя квадрат, обнесенный зубчатыми глинобитными стенами. Внутри запыленный двор с маленькими глиняными постройками, прислоненными к стенам форта. В крошечной сакле живет китайский офицер, и на стене висит длинная одностволка с одиноким огромным курком. Это все оружие офицера. При нем состоит киргиз-переводчик и около двадцати пяти человек киргизской милиции. (Переводчик настойчиво просит вылечить его от скверной болезни.) Сам офицер оказывается китайцем хорошего типа. Он осматривает наш китайский паспорт, выданный китайским послом в Париже, Ченг-Ло, по приказу китайского правительства. Наш старик-китаец задум-

чиво повторяет: „Китайская земля”. Радуетя ли он или грустит о чем-то.

От Курула мы могли идти или обходным путем через Кокеяр, или через последний перевал Санджу, на Санджу-оазис и Хотан. Выбираем более трудный, но краткий путь. Перед самым перевалом Санджу находим еще не описанные буддийские пещеры, или, как их называют местные жители, „Киргизские жилища”. Подходы к пещерам осыпались, и мы с завистью смотрим на высокие темные отверстия, отрезанные от земли. Там могут быть и фрески, и другие памятники.

Около Санджу-оазиса горы понизились, переходя в песчаную пустыню. Кто видел Египет, тот поймет характер этой местности с ее розовыми оттенками. На последней скале мы увидели неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которых видели и в Ладаке. А впереди розовая мгла Такламакана и приветливый дастархан от местных старшин сартов. На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко взгляделся и соскочил с коня, расстилая что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга.

Двигаясь по барханам сыпучих песков иногда без всяких признаков пути, трудно представить себе, что мы идем по великой китайской императорской дороге, так называемой шелковой дороге, главной артерии старого Китая на запад. Кончились живописные мазары, места погребения горных киргизов, начались сартские мечети, незамысловатые так же, как и сартские глинобитные домики, скучившиеся на маленьких оазисах среди угрозы песков.

Среди открытых песков три голубя подлетели к каравану и продолжали лететь перед нами, точно призывая куда-то. Местный житель улыбнулся и сказал:

„Видите, святая птица зовет вас. Вам нужно посетить старый мазар, охраняемый голубями”.

Свернули с пути к старому мазару и мечети и были окружены тысячами голубей, охраненных преданием, что убивший голубя этого мазара немедленно погибнет. По традиции купили зерна для голубей и двинулись дальше.

Десятое октября, но солнце еще так жарко, что сквозь сапог раскаленное стремя обжигает ногу.

* * *

За переход от Хотана на барханах показался ковыль и участились глинобитные домики. Мы вступаем в Хотанский оазис, в область, которую Фа-Сиен в 400 году нашей эры характеризует так:

„Эта страна богата и счастлива. Народ ее благоденствует. Они все принадлежат к Буддизму. Их высшее удовольствие - религиозная музыка. Священнослужители в числе многих десятков тысяч принадлежат к Махаяне. Они все получают пищу из общественного хранилища”.

Конечно, современный Хотан совершенно не отвечает характеристике Фа-Сиена. Длинные грязные базары и множество беспорядочных глинобиток мало говорят о богатстве и благоденствии. Конечно, Буддизма не существует. Несколько китайских храмов открывается очень редко, и конфуцианские гонги не звонили за все наше четырехмесячное невольное присутствие там.

На сто пятьдесят тысяч сартов имеется всего несколько сот китайцев, и эти хозяева местности выглядят гостями. Как известно, старый Хотан находился в девяти километрах от места теперешнего селения Ядкан. Старые буддийские места заняты мечетями, мазарами и мусульманскими жилищами, так что дальнейшие раскопки этих мест совершенно невозможны.

Сам Хотан находится сейчас в переходном состоянии. Он уже оторвался от старины. Высокое качество и тонкость старинной работы ушла, а современная цивилизация еще не дошла. Все сделалось бесформенным,

хрупким, каким-то эфемерным. Поделки из нефрита огрубели. Буддийские древности, еще недавно обильно доставляемые в Хотан из окрестностей, почти иссякли. Но, к нашему изумлению, появилось много подделок, сделанных иногда довольно точно и не без знания дела. Древности из Хотана должны быть очень точно исследуемы. Также мы видели в Хотане очень хорошо сделанные имитации ковров, по изданиям Британского музея. Если эти ковры будут называться имитацией, то это очень хорошо, но если они, после общеизвестных манипуляций, перейдут к антикварам, тогда это не хорошо. В основе своей Хотан все же остается богатым оазисом. Почвенный лес очень плодороден, и урожаи посевов и фруктов прекрасны.

Дайте этому месту хотя бы примитивные условия культуры, и процветание восстановится необычайно быстро. Народ очень понятлив, но в этом большом оазисе, насчитывающем более 200 000 жителей, нет ни госпиталя, ни доктора, ни зубного врача. Мы видели людей, погибавших от самых ужасных заболеваний без всякой помощи. Ближайшая помощь, но и то любительская, в шведской миссии в Яркенде, находится за неделю пути от Хотана.

Нужно сказать, что современные китайские правители этой области совершенно не заботятся о привлечении туда полезных культурных элементов.

Еще приближаясь к Хотану, мы слышали рассказы о том, как в прошлом году Хотанский даотай Ма, действуя по приказу Сенцзянского генерал-губернатора Янь-Дуту, распял, а затем умертвил старого кашгарского Титая. Нам говорили по пути: „Лучше не ездите в Хотан, там даотай - худой человек“. Эти предупреждения оказались пророческими.

После первой официальной любезной встречи даотай и амбань Хотана заявили нам, что они не признают нашего выданного по приказу Пекинского Правительствa паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные

работы, а также писание картин. Оказалось, что даотай и амбань не отличают плана от картины. Не буду останавливаться на этих неприятных перипетиях, доказавших все сумасбродство даотая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца, и лишь благодаря содействию Британского консула в Кашгаре, майора Гиллана, мы в самом конце января могли двинуться по пути Яркенд - Кашгар - Кучары - Карашар - Урумчи. Путь этот взял 74 дня.

Первая часть пути была еще по снежной пустыне, но к Яркенду в начале февраля последние снежные пятна исчезли, снова поднялись удушающие клубы песчаной пыли, но зато радовали первые листья плодовых деревьев. Амбань Яркенда оказался несравненно более просвещенным человеком, нежели Хотанские власти. Он выражал глубокое негодование по поводу нелепых действий Хотана и указывал, что паспорт наш обычный, по которому он должен оказывать нам всякое содействие. В Яркенде, в Янгихиссаре и в Кашгаре мы встречали дружескую помощь шведских миссионеров, которые снабдили нас многими сведениями о необыкновенном плодородии края и о богатстве минеральных залежей, совершенно не разработанных.

Кашгар со своими тройными стенами и песчаными утесами высокого берега производит впечатление настоящего азиатского города. И китайский даотай и Британский консул встретили нас радушно. И опять все не признанное в Хотане оказалось совершенно подлинным. Даже оружие наше было полувозвращено нам, то есть предложено в закрытом ящике отвезти его в Урумчи генерал-губернатору. Впрочем, за все время пути до Урумчей нам ни разу не пришлось пожалеть о том, что оружие наше заперто. В Кашгаре поучительно было осмотреть за рекою, видимо, древнейшую часть города, где сохранилась значительная часть буддийской ступы, размерами похожей на большую ступу Сарната. Под Кашгаром находится несколько древнебуддийских пещер, уже исследованных и сопровождаемых поэтическими сказаниями. В десяти километрах от Кашгара

находится Мириам Мазар, так называемая гробница Марии, Матери Христа. Легенда говорит, что после преследования Иисуса в Иерусалиме Мария бежала в Кашгар, где место ее упокоения отмечено доныне почитаемым мазаром.

От Кашгара до Аксу путь чрезвычайно томителен, как своею всепроникающей пылью, так и глубокими засылающими песками и безжизненными лесами корявых карагачей, наполовину сожженных, ибо путники вместе костров часто поджигают дерево. В Аксу мы встретили первого китайского амбана, говорившего по-английски. Молодой человек мечтал поскорее вырваться из этих песчаных мест. Он же показал нам английскую шанхайскую газету, полученную им от почтмейстера в Урумчае, итальянца Кавальери. Я удивился, почему амбань не выписывает сам газеты, но впоследствии узнал, что всемогущий Янь-Дуту запретил своим подчиненным читать газеты. Дальше мы увидим оригинальные способы правления этого владыки всего Сензияна.

Окрестности Кучары уже изобилуют старыми буддийскими пещерными храмами, которые дали столько прекрасных памятников среднеазиатского искусства. Это искусство справедливо заняло такое высокое место среди памятников бывших культур. Несмотря на все внимание к этому искусству, мне кажется, что оно все-таки еще не вполне оценено, именно со стороны композиционно-художественной.

Место бывшего пещерного монастыря подле самых Кучар производит незабываемое впечатление. В ущелье, как бы по амфитеатру, расположены ряды разнообразных пещер, украшенных стенописью и носящих следы многих статуй, уже или уничтоженных, или увезенных. Можно представить себе торжественность этого места во время расцвета царства Тохаров. Стенопись частично еще сохранилась. Невольно иногда сетуете на европейских исследователей, увезших в музеи целые части архитектурных ансамблей. Думается, что не будет нареканий перевозить отдельные предметы, уже потерявшие свою прикрепленность к определенному па-

мятнику. Но не будет ли несправедливо с местной точки зрения насильственно расчленять еще существующую композицию? Разве не было бы жаль разбить по частям Туанханг - самый сохранный из памятников Центральной Азии? Ведь мы не разрезаем по частям итальянские фрески. Но этому соображению есть и оправдание. Большинство буддийских памятников в мусульманских землях подвергались и посейчас подвергаются иконоборческому изуверству. Для уничтожения изображения разводятся в пещерах костры или лица, где может достать рука, тщательно выцарапываются ножами. Мы видели следы подобных уничтожений. Труды таких замечательных ученых, как сэръ Орел Стейн, Пельо, Леккок, Ольденбург, сохранили много тех памятников, которые по небрежности бывшей китайской администрации подвергались величайшей опасности быть уничтоженными. Старые среднеазиатские художники, помимо ценных иконографических подробностей, проявили такое высокое декоративное чутье, такое богатство детали в гармонии со щедрой композицией решения больших плоскостей. Можете себе представить, сколько впечатлений накапливается, когда каждый день происходят те или иные наблюдения и щедрая старина и природа посылает неисчерпаемые художественные материалы.

Кучары - большой город, чисто мусульманский, и ничто не напоминает о бывшем Тохарском царстве, о высокой бывшей письменности и просвещении этого края. Говорится, что последний Тохарский царь, угрожая врагами, вылетел из Кучар, унеся с собою все свои сокровища. Глядя на бесконечные извилистые горные кряжи, можно думать, что там есть достаточно места для сокрытия сокровищ. Так или иначе, старое сокровище этих мест ушло, но, глядя на богатые плодовые сады, можно думать, что и новое сокровище может быть при малейшем усилии легко накоплено.

От Кучар к Карашару мы уже не расстаемся с буддийскими древностями. По левую сторону пути, в дымке появляются отроги великолепного Тянь-Шаня - небесных гор. Кто-то оценил их воздушно-голубые тона, и

назвал их правильно. В этих горах уже находятся и постоянные и кочевые монастыри калмыков. Карашарские, олётские, хошутские наездники сменяют сартские мусульманские города.

По пути к нам подъезжают всадники уже на калмыцких седлах и заговаривают с Юрием и нашим ламою. До сих пор калмыки считают себя почти независимыми и рассказывают, как они отстаивали свою независимость при последнем хане. Они говорят:

„Китайцы навели чары на покойного хана, и он передал китайскому чиновнику власть над своим народом. Чиновник поспешил выехать в Урумчи для донесения Янь-Дуту об удаче, но калмыцкие старшины узнали об этом, и достаточное количество всадников догнало китайский караван в горных проходах Тянь-Шаньских гор. И произошло так, что больше об этом караване никто никогда не услышал, и никакого признака его никогда не было найдено. Старый хан был окружен старшинами и вскоре умер, а калмыками за малолетством его сына правит Таин-Лама”.

Конечно, эта „независимость” калмыков является только кажущейся для них самих. В действительности они находятся в полном распоряжении Янь-Дуту, и даже последний их конный полк, собранный Таин-Ламой, переведен в Урумчи. И сам Таин-Лама сделался вольным или невольным гостем Урумчей.

Калмыцкие степи с высокой травой, золотоглавыя юрты кочевых монастырей, чисто скифские обычаи самих наездников - все это кладет грань между сартским и китайским Сенцзяном и этим калмыцким совершенно обособленным обиходом.

Временно удаляемся от Тянь-Шаня и ныряем в духоту Токсуна, Турфанские области. Скорпионы, тарантулы, подземные водяные арыки и нестерпимый жар, при котором даже местные люди не могут пройти и двух миль. Помимо замечательных памятников, помимо Матери Мира; эти места послали нам целый ряд сказаний и одну традицию о странствиях. В обычае Турфана было посылать молодежь в странствие под руководством

опытных людей, ибо, как говорят турфанцы, „путешествие есть победа над жизнью”.

В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы. Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают ее. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещения с дикими куланами?

Урумчи является столицей Сенцзяна и местопребыванием грозного Янь-Дуту, который семнадцать лет, при всех переменах, держал под властью весь Китайский Туркестан с его разноплеменным населением. Меры правления Янь-Дуту не должны быть забыты в курьезах истории. Сам он считается образованным человеком и носит титул Магистра. Ему постоянно приходилось сталкиваться с противоречащими интересами китайцев, сартов, киргизов, калмыков, монголов. То правитель объявлял себя другом калмыков, распространяя сведения, что находящийся в Китае Таши-Лама избран Китайским императором. Заверив буддистов в своей симпатии, Янь-Дуту переходил на сторону китайцев-дунган и завещал быть погребенным на дунганском кладбище. В случае неразрешимого племенного спора правитель говорил, что он не знает, кому отдать свои симпатии, и прибегал для решения к петушиному бою. Для этого у Янь-Дуту воспитывалось несколько петухов разной масти. Правитель знал их качества, в день состязания лично назначал, который из петухов будет представителем каждого племени. Черный был дунганин, белый - сарт, желтый - калмык... Нужная для Янь-Дуту национальность посредством петушиной доблести брала верх, и правитель возводил очи горе со словами, что его сердце открыто для всех, но судьба оказала преимущество сартам или дунганам, как ему нужно в данный момент. При нас магистр философии наказывал местного бога за бездождие. Водяного бога били розгами, но он все же упорствовал и не давал дождя. Тогда ему отрубили

руки и ноги и утопили в реке. А на место его возвели в божеское достоинство „местного черта”. Разнообразные способы казни, видимо, хорошо известны магистру философии. Он щедро применяет их к личным врагам и непокорным чиновникам. В „Саду пыток” Октава Мирбо упущены два тонких изобретения. А именно: осужденному через глазницы продевают конский волос и начинают с внутренней стороны перепиливать переносицу. Или непокорного чиновника посылают в командировку, а в пути доверенные лица заклеивают его лицо китайской бумагой, пока он не придет в вечно-покойное состояние. Также рассказываются опытные постановки убийства ненужных сановников. Почему-то это действие всегда происходит после сытного обеда, когда сзади появляется палач и неожиданно отсекает голову. В императорское время иногда предварительно объявлялся вновь дарованный титул.

По улицам Урумчей с громкими барабанами и с бесчисленными яркими знаменами проходят какие-то оборванные толпы, на ваших глазах разбегающиеся по переулкам; это войска Янь-Дуту. Счет войска происходит по шапкам, потому можно видеть арбу, на которой на колышках одето множество фуражек и шапок. Это все едут невидимые воины, а Янь-Дуту через иностранных представителей хитрыми манипуляциями пересылает в далекие банки огромные суммы серебра. Впрочем, этим богатством правителю не пришлось пользоваться. В двадцать восьмом году он был убит Фанем, комиссаром по иностранным делам. Странно было видеть это средневековье в наше время с ужасами пыток и глубокого суеверия. Новый Китай должен посылать на свои окраины особенно просвещенных людей.

И еще одно обстоятельство поразило нас во всем Сенцзяне. Это открытая купля-продажа людей: детей и взрослых. Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместе найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, то есть

менее 20 долларов. Конюха можно было купить за 30 сар, а дети - те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девочку-киргизку, купленную ею за три сары. Это еще хорошо, что бездетная казачка купила ее, что называется, в дочери. А то сплошь и рядом вы можете слышать о настоящих ужасах. Кажется, на это явление в китайских областях не обращено достаточно внимания. Так же точно, как и на губительное курение опиума. Казалось бы, распространители и потребители этого бича человечества должны подлежать самой строгой каре, если сознание их до того умерло, что они не понимают, какое преступление и для себя и для будущих поколений они творят.

Но не расстанемся с Китайским Туркестаном на темной странице. Передо мной встают четыре картины, напоминающие времена старины.

Вот едет всадник, и на руке его так же, как много веков тому назад, сидит с колпачком на глазах сокол или прирученный ястреб.

В пустыне вас нагоняет проезжий певец - сказатель легенд и сказок - бакша. За плечами его длинная ситара, в сумках седла несколько разных барабанов. „Бакша, спой нам!“ - и бродячий певец опускает поводья своего коня и вливает в тишину пустыни сказ о Шабистане, о прекрасных царевичах, о добрых и злых волшебницах.

И еще один незаметный, но многоговорящий эпизод. Между Аксу и Кучарами около города Баи в нашем караване появился странный человек с кандалами на руках. Оказывается, местное начальство распорядилось послать при нашем караване преступника. Мы запретили подобное совместительство. Преступник отстал, и несколько дней мы видели его бредущим на большом расстоянии позади каравана без всякой стражи.

После выезда из Урумчи, отъехав пять километров от города, мы заметили спешно приближающуюся к нам китайскую мафу. Оказалось, что наш китаец Сунг, служивший у нас до Хатана, не мог расстаться с нами, не

простившись еще раз. Перед нашим отъездом он проплакал несколько ночей, ибо губернатор запретил ему выехать дальше Урумчи. Но доброе сердце не могло отказать себе в желании еще раз проститься. Таких людей всегда приятно вспомнить.

* * *

После Урумчей идет полоса, также любопытная не только в художественном отношении, но и в научном и бытовом. Здесь мы касаемся области, в которой уже находятся непосредственные памятники великого переселения народов в виде курганов и многообразных погребений с каменными фигурами. В бытовом отношении отроги Тарбагатайских гор, особенно со времен революции, изобилуют разбойничьими бандами. Киргизы, земли которых тут начинаются, хотя и совершенно похожи внешне на скифов, точно силуэты с кулобской вазы, но для современности мало пригодны. Их обычаи грабежа „барантчества” затрудняют окультуривание. Кроме того, в местности Черного Иртыша изобилие золота порождает бродячие скопища золотоискателей, с которыми лучше не сидеть у одного костра.

Опять вы поражаетесь, насколько богат этот край и насколько мало он исследован и совершенно неиспользован.

Не менее глух и заброшен Алтай, так называемая теперь Ойротия. Ойроты - вымирающее финно-тюркское племя - находятся на очень низкой степени развития. Их изношенные овчинные кафтаны и нечесанные волосы могут сравниться разве с некоторыми областями Тибета. Староверы, издавна поселившиеся в этом малодостигаемом краю, конечно, являются единственными крепкими хозяевами. Приятно было видеть, что староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков и мыслят о правильном хозяйстве, об американских машинах и приветливы к иностранцам, чего раньше не было.

Конечно, старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчовыми сарафанами и древними иконами уже отошел. Мы пожелали, чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием. Ведь в Сибири, где такие минеральные сокровища и прочие естественные богатства, народ имеет наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей. Когда мы проезжали место по Иртышу, где утонул герой Сибири Ермак, алтаец говорил нам:

„Никогда бы наш Ермак не утонул, но тяжелый доспех потянул его на дно”.

На Алтае, соприкасаясь со староверами, было поразительно слышать о многочисленных религиозных сектах, и посейчас на Алтае существующих.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы, которые вообще ничего не признают, - сколько непонятных разделений. В Трансбайкалии живут „семейские”, т. е. староверы, сосланные в Сибирь со своими целыми семьями, а также темноверцы и калашники. Каждый темноверец имеет свою закрытую в ковчеге икону, которую считает истинной. Если кто-нибудь другой помолится на ту же икону, она делается недостойной. Еще более странны калашники, они молятся через отверстие в калаче. Мы много слышали о темных верах, но о такой еще не слыхали. И это в 1926-ом году. Здесь же находятся и хлысты, пашковцы, и штундисты, и молокане - нескончаемое разнообразие верований, исключаящих друг друга.

Но и в этих заброшенных углах уже шевелится новая мысль, и длиннородый старовер с увлечением говорит о хозяйственных машинах и сравнивает качество производства разных стран. Если условия верований еще не стерлись, то во всяком случае предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свежие ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес,

скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, - все это придает Алтаю незабываемое значение!

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем Курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Среди всей этой смеси племен крайне поучительно наблюдать, как иногда на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьезные сочетания слов, составившиеся из нескольких языков за самое последнее время. Китайский, Монгольский, Бурятский, Русский и некоторые парафразы технических иностранных слов уже дают какой-то новый конгломерат. Трудная задача возникает для филологов при этом образовании новых выражений, а может быть, и целых новых родовых наречий.

Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, установленное большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах – все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища.

Если важно было ознакомиться с ойротами и староверами, то еще значительно было увидеть монголов, на которых сейчас справедливо обращен глаз мира.

Ведь это та самая Монголия, при имени которой жители древних туркестанских городов, покидая дома в страхе, оставляли записки:

„Спаси нас Бог от монголов!“

А рыболовы в далекой Дании боялись выходить в море, настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей.

Если прислушаетесь к рассказам о монголах, вас поразит какое-то несоединимое противоречие. С одной стороны вам рассказывают, что монгольские военачальники до сих пор, беря врага в плен, вырезают у него сердце и съедают его. Причем один военачальник утверждал, что когда у китайца вырезают сердце, он только скрипит зубами, а русский очень кричит. Рассказывают о шаманских заклинаниях, о том, как в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно пролетают стаи орлов и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идёт снег. Эти проявления воли действительно существуют. Между прочим, „шаман“ не является ли испорченной формой санскритского „шраман“. Так же точно, как „Бухара“ не что иное, как измененное буддийское „Вихара“.

В Урге рассказывают следующий эпизод, рисующий волевое воздействие некоторых лам. Некий человек получил указание от уважаемого ламы, что через два года он непременно должен покинуть Ургу. Два года прошло в полном благоденстве, и, как часто бывает, удачливый человек забыл об исполнении указания. Но наступили события революции, и время безопасно выехать из Урги было упущено. В нужде, испуганный, побежал опять к ламе. Тот, пожурив, сказал, что еще раз спасет его, и велел завтра же утром со всей семьей и скарбом выехать в определенном направлении. При этом лама указал, что когда беглецы встретятся с солдатами, то чтобы не пытались бежать, а остановились на месте недвижимо. Сделалось, как указано. Беглецы выехали в повозке и после недолгого пути встретили солдат. Остановились в молчании, как указано. Когда же солдаты проходили

мимо, не тронув их, то беглецы слышали, как один солдат говорил другому:

„Видишь, никак люди там?“

А другой ответил:

„Ослеп ты, что ли? Разве не видишь, это камни!“

В то же время, когда вы посещаете монгольскую печатню в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Батуханом и известным бурято-монгольским ученым, почетным секретарем ученого комитета Джамсарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык алгебру и геометрию, вы видите, что казавшееся противоречие сливается в потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое.

Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленною обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу, и внимательное исследование своей страны, и желание послать молодежь за границу; чтобы воспринять приемы техники и современной науки, монголы едут в Германию. Хотели бы они побывать и в Америке, но стоимость проезда и жизни и, главное, незнание языка препятствуют. Должен сказать, что за все время пребывания в Монголии со стороны собственно монголов мы видели много хорошего. Кроме многого другого, меня приятно поразило серьезное отношение к памятникам монгольской старины, желание сохранить эти памятники у себя и исследовать их строго научно.

Замечательное открытие экспедиции Козлова на монгольской территории дало новую страницу сибирских древностей. Те же животно-образные сюжеты, которые мы знали лишь в металлических изделиях, были найдены в тканях и других материалах. Территория Монголии хранит огромное количество курганов, керексуров, оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования.

В Урге нам предстояло решить вопрос о дальнейшем движении экспедиции. Мы могли идти через Китай. В дополнение к нашему паспорту Пекинского правительства Янь-Дуту выдал нам еще один паспорт, длиною ровно в мой рост. Но тут пришло новое обстоятельство. В Урге мы встретили представителя Далай-Ламского правительства Лобзанг Чолдена, который предложил нам идти через Тибет. Не желая вторгаться самовольно, мы просили его подтвердить предложение согласием от Лхасского правительства. Он послал в Лхассу Далай-Ламе два письма с тибетскими караванами и также запросил Тибетского представителя в Пекине снести с Лхассою. Прошло три месяца, и однажды Тибетский представитель, исполняющий обязанности консула, сообщил нам, что им получен через Пекин утвердительный ответ и он может выдать нам установленный паспорт и дать письмо к Далай-Ламе. Мы знали, что подобные паспорта действительны. При таком обороте дела, конечно, мы предпочли идти через центральную Гоби и Тибет, нежели подвергаться случайностям нападения хунхузов в Китае.

Из приготовлений к отъезду вспоминается любопытный эпизод. Мой сын Юрий, обучая наших монголов ружейным приемам, вывел их на окраину Урги, и они полезли вверх по скату. Оказывается, в то же время с противоположной стороны монгольский спешенный эскадрон производил тоже учение. И было необыкновенно эффектно, когда неожиданные противники одновременно поднялись на гребень бугра друг против друга. Как увидим, эти ружейные приемы оказались не лишними при столкновении с панагами.

13-го апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством Монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный Монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе.

Часть пути от Урги, или, как она теперь называется, Улан-Батор-Хото, до Юм-Бейсе мы сделали на моторах.

убит монголами. И действительно, в Урге мы видели его заспиртованную голову и слышали много рассказов о жизни этого необычного человека.

Монгольские пустыни надолго сохраняют легенды о Джеламае, но никто никогда не узнает, что именно руководило его необъяснимыми действиями. Джелама окончил курс Русского университета по юридическому факультету, выказав особенные способности. Затем Джелама отправляется в Монголию, где отличается в действиях с китайцами, проводит несколько лет в Тибете, изучая ламаизм, а также волевые воздействия, к которым он имел природные дарования. Затем Джелама опять в Монголии, получает титул хошунного князя Гуна, но, повздорив с казачьим офицером, оказывается в Русской тюрьме, из которой его освобождает революция 1917 г. После каких-то неясных набегов и действий в пределах Монголии Джелама с многочисленными сотрудниками укрепляется в центральной Гоби и строит свой город, употребляя в качестве рабочей силы пленников из многочисленных разбитых им караванов. В 1923 году монгольский офицер является к Джеламае якобы с дружественным подношением хатыка, но под белым хатыком оказывается браунинг, и владыка пустыни падает под несколькими пулями. Голову Джеламае на копье возили по монгольским базарам. Шайки его постепенно распались. С некоторым волнением подходил наш караван к месту города Джеламае. На каменистом скате издали виднеется белый чортен, священный памятник, выложенный из кусков кварца, - это Джелама заставлял работать сотни своих пленников. Ламы советуют нам одеть монгольские кафтаны, чтобы не привлекать внимания нежелательных встречных. Там-пей Джалсен должен быть где-то близко. Темною ночью разбиваем стан. Наутро до восхода слышится какое-то необычайное движение. Нам кричат - „мы стоим под самым городом“.

Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не со-

глашаются идти исследовать город. Юрий с П. с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джеламы, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джелама. О нем поют много песен. Конечно, шайки Джеламы не вполне рассеялись.

На другой день к нашему каравану подъезжало несколько подозрительных всадников, спрашивавших о количестве нашего оружия. Но, очевидно, полученные данные не воодушевили их, и они скрылись за холмами.

Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андруса и последние, судя по газетам, экспедиции Свен Гедина дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгирообразных гранитных и песчаниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южно-русских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней, на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам Тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длинным молением, требуя для

нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию.

Проведите линию от южно-русских степей и от северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в полном одиночестве. Кроме двух-трех заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокохото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашел ничего лучше, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю.

Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о еще недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. Сперва далекие отроги китайского Алтая, а затем золотоносного Алтын-Тага дают колоритные сочетания. Нет беспощадной подавленности Такламакана - разноцветная гальковая поверхность дает твердость и звонкость тонов. Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившеюся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладака, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были переграждаемы павшими животными, в прудах городов Сенцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов.

Кроме Монголии, всюду нас поражало количество и чудовищные размеры зубов, происходящих от воды. Мы

не могли установить, насколько кипячение воды уничтожает ее вредность, но, так или иначе, этот повальный зоб должен сильно подрывать работоспособность населения.

Мелькнули глиняные стены Ансиджау, пробежала узкая полоса фруктовых садов, стеснившихся около большой китайской дороги, идущей от Ансиджау на Суджау, и мы вступили в отроги Наньшаня. Появились юрты монголов, уже относящихся к Кукунорской области. Появились стада, появился смышленный старшина Мачен, который под всякими предложениями выудил у нас немало денег. Особенно он обманул нас на курсе китайских долларов к тибетскому нарсангу. Нам нужно было закупить животных для нового каравана, так как ламы из Юм-Бейсе от Шибочена шли обратно. Кроме животных, нам нужно было запастись и провиантом. Мачен уверил нас, что он может продавать лишь на тибетские нарсанги, которые будто бы стоят гораздо выше китайских долларов. Впоследствии же оказалось, что дело обстоит как раз наоборот, и курс нарсанга гораздо ниже. Не буду задерживаться, рассказывая, как пятеро наших бурят, придя в ничем не вызванное безумие, отправились с доносом на нас проезжавшему вблизи доверенному Сининского амбана; они уверяли его, что мы проходим Китайскую территорию, не имея Китайского паспорта, и что мы с какими-то особыми целями не зашли в Ансиджау. Кончилась вся эта клевета тем, что седой дунганин в красной чалме с пятнадцатью солдатами приехал в наш стан и после долгих разговоров пожелал осмотреть наши Китайские паспорта; мы его удовлетворили, объяснив, что Ансиджау просто не лежал на нашем пути. Старик сделался очень дружелюбен и предложил нам, что он может бить этих бурят-доносчиков. Клеветники были тут же изгнаны, а места их без затруднения были восполнены местными монголами.

Про монголов Кукунорской области из наших стоянок при Шибочене, а затем в Шарагольчах, у подножья хребта Гумбольта, я могу сказать только хорошее. Под-

ходя к Шибочену, мы встретили первого кукунорского монгола Ринчино, который, вознося обе руки вверх, забываемо задушевым жестом приветствовал нас. Под этим же добрым знаком мы и жили с монголами и расстались с ними. Никаких затруднений, никаких ссор они не вносили в караван. Правда, после столкновения с панагами старик Санге-Лама с перепугу хотел оставить нас, но он был так испуган и так дружелюбно лепетал что-то, что немедленно дал уговорить себя.

Упомянув о монголах, необходимо указать на знаки бывшего физического единения Америки с Азией. В 1921 году, когда я знакомился с индейскими племенами Новой Мексики и Аризоны, у меня неоднократно вырывались восклицания: „Но ведь это же настоящие монголы“. По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен, все относилось мое воображение за берега океана. Теперь же, когда мы изучали монголов внешней и внутренней Монголии, я невольно вспоминал об индейских племенах. Что-то несказуемое, основное, помимо всяких внешних теорий, связывает эти народы.

Как-то очень давно или от директора Музея Академии Наук В. В. Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. В поэтической форме рассказывалось, как в соседних урочищах жили два брата, горячо любившие друг друга. Но повернулся огненный подземный змей, и раскололась земля, и разлучились два брата. И тянется душа их друг к другу, и призывают они птиц отнести их вести к любимому родичу. И ждут они небесную огненную птицу, которая перенесет их через расселину и соединит разъединенных. В этом поэтическом образе не сказывается ли сущность земного переворота, о котором в символах помнит народная память?

Со мною были многие фотографии индейцев Новой Мексики и Аризоны, и я показывал их в дальних монгольских становищах. И монголы восклицали: „Это

ведь монголы!” Так признают друг друга разъединенные братья.

В одиноких юртах Кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной утвари. Костюмы их очень эффектны. Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццоли. Женщины с многими косичками с бирюзой и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны. Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадах кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: „Страна Шамбалы!” - и радовались каждой булавке, пуговице или жестянке из-под консервов. Каждый маленький обиходный предмет для них настоящий предмет гордости. И сердце этих людей пустыни открыто к будущему.

В Щарагольцах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направлении Улан-Давана Гумбольтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра. Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым. Наши ягтаны поплыли, палатка Юрия была залита по колена, и всевозможные предметы уносились безвозвратно по течению. Также были разрушены или жестоко пострадали юрты местных монголов. Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песка и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии. Исследуя многие профили возвышенности, вы изумляетесь сравнитель-

но недавнему происхождению многих верхних слоев, а также их странному смешанному составу. Но такие характерные пертурбации, как мы сами убедились, легко меняют профили поверхности. При раскопках это обстоятельство может давать неожиданности.

К 19-му августа 1927 года сборы нового каравана были закончены, верблюды подкрепились травой и кустарником и начали обрастать новой шерстью.

Мы выступили через Улан-Даван, решив пересечь опасный Цайдам в кратчайшем прямом направлении и тем установить новый маршрут через Ихе-Цайдам и Баха-Цайдам на перевал Нейджи. Установление этого маршрута избавляет от западной дороги на Махай, где безводная часть пути бывает губельна, а также избавляет от дальнего восточного обхода, обычно предпринимаемого паломниками на Лхассу. Мы были предупреждены о том, что три перехода будут неприятны и опасны, а последние двадцать четыре часа придется идти безостановочно, ибо останавливаться на тонкой поверхности соляных отложений и опасно и бесцельно для животных, ввиду полной бесплодности. Пересекая Цайдам, мы прежде всего убедились, что сплошная зеленая условная окраска на картах совершенно не отвечает действительности.

Такая же неточность всюду обнаруживалась и в названиях местностей. Одно и то же место имело и китайское, и монгольское, и тибетское имя, звучавшее совершенно особенно. Конечно, и на карты попадало одно из этих названий в зависимости от национальностей переводчиков бывших экспедиций. Но особенно странно было с европейскими названиями, насильственно приклеенными к древним местам, давно имевшим свои местные имена. Все эти хребты Марко Поло, Гумбольта, Риттера, Александра III, Пржевальского, конечно, не имели никакого значения для всех местных народностей, ибо для них они были известны и в незапамятные времена.

Еще одно оригинальное условие мешает точности названий. По поверью монголов и тибетцев, нельзя про-

износить название места в пустыне, иначе боги пустыни будут привлечены этим именем и рассержены.

Когда сгущается дневной жар, проводник каравана начинает тихо свистеть какую-то странную мелодию. Он вызывает ветер. Какой замечательный сюжет для театра: „Продавцы Ветров“. С тем же обычаем можно встретиться, знакомясь с обычаями древней Греции.

Пришлось отметить и забытые горные кряжи, и песчаные плоскости, и сухие поверхности, усеянные острыми соляными глыбами, зияющими черными отверстиями тонкой воды. Зеленые болотистые поверхности лишь характерны для озер Ихе-и Баха-Цайдам. Тучные табуны цайдамского князя пасутся в этих густых травах. Не могу не упомянуть, что цайдамский князь, за которым числились какие-то столкновения с путешественниками, выказал нам полное дружелюбие и даже прислал письмо, предлагая своих верблюдов до Лхассы, но к тому времени наш караван был уже составлен. Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Проводники наши, видимо, очень готовились к этим местам, хотя осеннее время по маловодью и по отсутствию мух и комаров благоприятствовало. Странно было идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается самое малоисследованное нагорье Куен-Луня. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит. Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: „Только не сворачивайте с тропинки?“ Действительно, по бокам среди острых краев плит чернели ямы, и сама тропинка была усеяна дырками, попав в которые животное легко могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалился на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытаскен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью

как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. И ламы отказывались идти вперед, обращая наше внимание на какие-то случайные силуэты, которые оказывались не чем иным, как соляными столбами. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Скоро показались кусты и высокая трава, которую жадно хватили наши изголодавшиеся животные. Вдали перед нами синели горы. Это был Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Несколько переходов до синевших гор шли по сравнительно плодородной местности Тейджинера, что значит местность, управляемая советом старшин. Казалось бы, и растительность была хороша, и поля обрабатывались, но мы видели брошенные становища, а в редких жилых юртах мы замечали смятение. Оказывается, между монголами и голоками, живущими за Нейджи, шла война. Нам говорили, что еще на дороге мы увидим убитых, и жители с тревогой ожидали нападения разбойников Тибета. Были какие-то неясные намеки о чем-то готовящемся против нашего каравана. Мы припомнили необыкновенное происшествие, бывшее с нами в Шарагольчах. Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени. Это нежданное дружественное предупреждение вспомнилось теперь нам при рассказах о панагах и голоках.

На следующий день мы видели при дороге трех убитых монголов и одну лошадь. На песчаной поверхности ясно были видны следы каких-то бешеных скачек. Приняв военные меры, мы подвигались сперва по течению

реки Нейджи, затем к перевалу Нейджи. В одной заросшей кустарником долине трое из нас видели силуэт всадника и нашли на том месте свежесложенный костер и трубку. Решили не идти на обычный перевал, очень песчаный и затрудняющий движение, а переменить маршрут на несколько миль дальше, пользуясь следующим перевалом того же наименования. Это неожиданное решение было для нас спасительным. На следующее утро мы вышли задолго до восхода. Е. И., имеющая необычайно острый слух, уверяла, что она слышит отдаленный лай собак. Но все было тихо, и мы должны были, спускаясь, вступать в ущелье между двумя холмами. Зорко осматриваясь, мы заметили в утреннем тумане, как через ущелье проскакивают силуэты всадников. Мы различили длинное копьё, длинные винтовки с рогатками. Нас ждали при выходе из ущелья. Вместо того чтобы продолжать двигаться, мы отступили на вершину холма и таким образом заняли господствующее положение, чего противник не ожидал. Сзади нас подтягивались наши торгоуты, лучшие стрелки. С вершины холма мы видели группы неприятеля и, заняв выгодное положение, послали монголов предупредить их, что в случае продолжения враждебных действий мы не будем щадить ни их, ни их юрты. Переговоры уладились. Панаги опять твердили о каких-то 50 всадниках, за которыми они послали, а через несколько часов мы видели их стада, возвращавшиеся из гор к юртам; значит, были приняты заблаговременные меры. На другой день в боевом порядке, сопровождаемые подозрительными всадниками, мы перешли перевал Нейджи. Здесь разразилась необычайная для сентября гроза и повалил сильный снег. Монголы сказали нам: „Горный бог Ло гневается за то, что панаги хотели тронуть великих людей, по снегу они более не нападут на нас, ибо останутся следы”.

Перед нами стоял хребет Марко Поло, грозный Ангар-Дакчин, за ним живописное Кокушили и мощное Думбуре. Можно писать целую книгу об одних этих местах, о многосотенных стадах диких яков, о

доверчивых медведях с белыми ошейниками, о волках, преследующих серн и антилоп. Можно наблюдать минеральные источники, горячие гейзеры и удивляться неожиданностям этой особенной природы. От Цайдама, где мы находились на высоте от 8000 до 9000 футов, мы поднялись на Тибетское северное нагорье от 14 000 до 15 000 футов.

* * *

Остановимся на характерных эпизодах сношений с тибетцами.

Двадцатого сентября караван наш с волнением заметил первую палатку тибетского поста. Пришли к нам какие-то лохматые люди в грязных овчинных кафтанах и потребовали наш паспорт. При достаточном числе свидетелей мы вручили им наш тибетский паспорт, после чего нам разрешено было идти дальше. Паспорт был послан по начальству.

Шестого октября тибетцы предложили нам остановиться в местечке Шенди и ожидать дальнейшего разрешения от тибетского генерала Капшипа-Хорчичаба, то есть главного начальника Хоров и командующего северным тибетским фронтом. Через два дня мы были передвинуты к ставке этого генерала на реке Чунаргене. Это место останется памятным для нас.

Унылое кочковатое нагорье арктического характера, окаймленное пологими линиями осыпающихся гор. Первый прием генерала заключал в себе верх любезности и дружелюбия. Он сказал нам, что ввиду паспорта и письма он пропустит нас следовать дальше на Лхасу через Нагчу. Нагчу — это северная крепость Тибета, стоящая в трех днях от Чунаргена. Генерал попросил нас постоять всего три дня и перенести наш лагерь к его ставке, так как он хочет лично осмотреть наши вещи, ибо, как он сказал: „руки малых людей не должны касаться вещей великих людей“. При этом генерал добавил, что до разрешения он останется с нами и в честь

меня велит каждый день играть какую-то особо торжественную вечернюю зорю. По-видимому, у генерала было больше музыкантов с барабанами, кларнетами и шотландскими волынками, нежели солдат. При нашем посещении стреляли из пушки, развевали знамя, и ряд странных солдат в грязных куртках с оборванными пуговицами держали винтовки в разных направлениях. Так или иначе, свидания с генералом были очень дружелюбны, и, вероятно, в последующем генерал не был виноват.

Через неделю ответ о нашем дальнейшем продвижении все еще будто бы не пришел. Генерал сообщил нам, что по обязанностям службы он должен уехать, но что он оставит при нас майора с пятью солдатами и даст распоряжение местным старшинам Хоров.

Генерал уехал, и вместо трех дней мы остались в этой унылой местности пять месяцев. Положение сделалось гибельным. Началась суровая зима, на пятнадцати тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами Далай-Ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде. Мы неоднократно писали американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту полковнику Бели в Ганток и нашим учреждениям в Нью-Йорке, прося губернатора Нагчу все это отправить по телеграфу из Лхассы на Индию. Нам было отвечено, что телеграфа из Лхассы на Индию больше не существует, - явная ложь! Мы просили через майора отпустить нас тронуться обратно или разрешить идти в ставку генерала, но нам было запрещено двигаться, как вперед, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. Конечно, бывшие при нас американские доллары были совершенно бесполезны. Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь,

где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, неприготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровой частью Азии.

У Е. И. пульс доходил до 145, и наш доктор прибавлял: „ведь это пульс птицы”. У меня вместо обычных 64 пульс был 130. У Юрия, у Богдановых пульс держался около 120. Доктор пророчил самые мрачные перспективы и писал докторские свидетельства о том, что задержание в таких условиях равняется организованному покушению на убийство. Об этом стоянии можно было бы написать тоже целую книгу, полную грустных бытовых страниц.

Чтобы дать тип губернаторов в Нагчу, из которых один считался очень доверенным лицом Далай-Ламы и сам был Ламой, хотя и имел семью, достаточно вспомнить два эпизода, рассказанные ими нам.

Один эпизод о Ладен-Ла, генерале тибетской армии, человеке несомненно талантливом, которому одно время было поручено реформирование этого разношерстного войска. Лама-губернатор сообщил, что Ладен-Ла отставлен от реформирования армии за введение красных обычаев, ибо он ввел европейскую форму и отдавание чести офицерам.

Тот же губернатор излагал русскую революцию в следующем виде: „Жил человек Ненин, который не любил белого царя. Ненин взял пистолет и застрелил царя, а затем влез на высокое дерево и заявил всем, что обычаи будут красными и церкви должны быть закрыты. Но была женщина, сестра царя, знавшая и красные и белые обычаи. Она взяла пистолет и застрелила Ненина”.

Долго рассказывать обо всех наших переговорах с нетрезвым майором, а затем с губернаторами Нагчу. Так

или иначе шестого марта мы двинулись в Индию, посланные также нелегким обходным путем, унося в себе неразрешимый вопрос, как могло Лхасское правительство не признавать выданный их чиновником паспорт, и можно ли держать мирную американскую экспедицию, имевшую в составе своем трех женщин, всю зиму в летних палатках на наиболее губительных высотах? И к чему тибетцам нужно было вредить нашему здоровью, уморить весь наш караван и вследствие резких смен температуры погубить все наши кинофильмы?

Поистине Чантанг - северное нагорье Тибета - справедливо заслужил славу самого холодного места Азии. Свирепые вихри необычайно усиливают действие мороза, а разряженная атмосфера 15-16000 футов создает особые, необычайно тяжелые условия. Можно представить себе состояние температуры, когда в палатке у доктора в закрытой фляжке замерз коньяк. Сколько же требовалось градусов, чтобы крепкое вино могло замерзнуть? Конечно, в одиннадцатом часу утра солнце начинает значительно пригревать, но после заката, ночью, а главное, предрассветный час бывает свиреп. Наш доктор имел необыкновенную возможность наблюдать с медицинской точки условия этих исключительных нагорий.

После Нагчу-Дзонга наш путь лежал, минуя Тенгри-Нор, на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брамзпутры к границам Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзонг были последними пунктами этого двух с половиной месячного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После Сепола мы спустились через Тангу в Ганток, столицу Сиккима, и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима. 26-го мая 1928 г. прибыли в Даржилинг, поместившись опять в нашем Талай-По-Бранге, для обработки художественных и научных материалов.

Теперь оглянемся в кратких характеристиках на современную жизнь Тибета и на искусство его.

Тибет являет самое поразительное стечение противоречий.

С одной стороны, мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии. С другой же стороны - полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многомужество как-то уживается с заветами Буддизма, хотя бы и в ламаистической форме.

С одной стороны, мы встречаем вместо замков бедные глинобитки. С другой стороны, Тибетские губернаторы называют их прекрасными снежными дворцами и не стыдятся этих гипербол.

С одной стороны, правительство Лхассы называет себя „Правительство, победное во всех направлениях“, с другой стороны, эту надпись мы видели только на несчастных медных монетках - шо. Ни золотых, ни серебряных монет ни в дзонгах, ни у народа мы не встречали. Удивительно и то, что полу-шо и четверть шо, тоже медные, по размерам своим более самого шо. Все население вместо своих тибетских шо предпочитает или серебряные рупии или серебряные мекдоллары. При продажах даже называют две цены: или высокая цена на тибетское шо, или со значительной уступкой в случае уплаты рупиями или китайским серебром. С китайским серебром тоже не всегда легко. В одних местах требуют императорские монеты, в других республиканские с шестью буквами, в других с семью. Так что требуется целый ассортимент денежных знаков.

Но мы не удивлялись, ибо к странностям денежного обращения мы были уже приучены в Сенцзяне, где в некоторых местностях деревянные знаки, выпускае-

мые игорными домами, ценятся больше, чем местные бумажные деньги, в которых иногда большую часть ассигнации составляло подклеенное объявление о мыле и других продуктах. Даже из правительственного казначейства выдавали нам бумажные знаки, которые следующим амбаном объявлялись недействительными.

Вся жизнь как бы состоит из противоречий.

После живописных городов и монастырей Ладака мы тщетно ждали увидеть в „великом” Тибете нечто еще более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчались бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брамапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли. Часты эти развалины. Около них видны остатки когда-то возделанных полей. Но ведь это все прошлое. Все это говорит об ушедшей, несуществующей жизни. Сага-Дзонг, бедное селение с хрупкими глиняными стенками. Черные палатки, как пауки, протянулись на длинных черных веревках. Как паутина, нависли над селением вереницы оборванных грязных флажков. Грязь такая же, как в Нагчу-Дзонге. Помню, как в Нагчу, когда мы указывали на непозволительную грязь города, доньер (чиновник, вроде консула) губернатора нам сказал: „Если здесь вам кажется грязно, то что же вы скажете о Лхассе?” Тенгри-Дзонг, считающийся самой большой крепостью к непальской границе, поражает не только убожеством, но и непригодностью к обороне. Тинкю, Шекар и Капма-Дзонг внушительны лишь в тех частях, где еще сохранилась старина. Но старина ветшает, и ее заменяют хрупкие глинобитные стены. Дзонг-пены, начальники замков, уже не живут на вершинах, а ютятся под горою.

В отношении изучения жизни наше пятимесячное пребывание в области Хоров и долгий путь по северному, западному, центральному и южному Тибету дало огромное количество материала. Первый раз экспедиции

не требовался переводчик, ибо сами тибетцы находили, что Юрий знает тибетский язык лучше сэра Чарльза Белла, который считается знатоком языка. Без личного знания языка, конечно, опрометчиво судить о состоянии страны. Один путь от Чунаргена до Сиккимской границы должен представить целую книгу.

Мы шли на уртонных яках, от местного населения. Перед нами прошла вся картина противоречий между народом и Лхасскими чиновниками. Создалось впечатление, что часть лам и народ - с одной стороны, а группа Лхасских чиновников - с другой; про них сами тибетцы говорят, что „сердца их чернее угля и тверже камня”.

Мы стоим лагерем недалеко от стана голоков. Оба стана не доверяют друг другу. Всю ночь из стана голоков несется клич „ки-хохо”. „Хой-хе” - отвечают наши Хоры. Так всю ночь предупреждают друг друга о недреманной бдительности стана.

В Тенгри-Дзонге, который считается второю после Шигатзе крепостью, заведующий транспортом усмотрел на одном из наших яков странный предмет, обернутый в красный шелк. Мы исследовали эту находку - оказалось, что с нашим караваном идет стрела с наверху на нее приказом о мобилизации местных войск для подавления восстания в Поюле, на востоке Тибета. Вместо того, чтобы послать спешный приказ особым гонцом, население прикрепляет его к яку частного каравана, который, может быть, будет идти по десяти миль в день.

Около Сага-Дзонга старшины отказываются признать паспорт Далай-Ламы, высланный нам из Лхассы. Они заявляют, что ничего общего с Лхасским правительством не имеют. Без конца можно припоминать подобные бытовые картины, происходящие у караванных костров, около которых тибетцы едят сырое мясо.

Далай-Лама считается воплощением Аволокитешвары и хранителем истинного учения Будды. В то же время по всему Тибету передается пророчество, вышедшее из монастыря Танджилинг, о том, что нынешний тринадцатый Далай-Лама будет последним. Отно-

сительно всезнания Далай-Ламы в народе и среди лам ходит целый ряд забавных историй. Например: один высокий лама, имевший доступ к Далай-Ламе без особого доклада, подойдя к двери, выставил из-за двери свою ногу. Далай-Лама спросил:

„Кто там?“

Тогда лама выставил свою руку и вызвал вторичный вопрос:

„Кто там?“

И лама с поклоном вошел, говоря: „Ваше святейшество, напрасно беспокоились спрашивать, ведь по всезнанию вашему вы должны были знать, кто стоит за дверью“.

Во время переговоров наших с губернаторами Нагчу, при вопросах их, мы несколько раз им говорили:

„Ведь у вас имеется в Лхассе государственный оракул, отчего вы не спросите его касательно нас“.

При этом оба губернатора переглядывались и хохотали.

Совсем другое отношение повсеместно замечается к Таши-Ламе, имя которого произносится с глубоким почтением.

„Обычаи Панчен Ринпоче совершенно другие“ - так говорят тибетцы.

Тибетцы ждут исполнения пророчества о возвращении Таши-Ламы, когда он восстановит Тибет и драгоценное учение при нем процветет снова.

О бегстве Таши-Ламы из Тибета в 1923 году во всех местностях говорится с особою значительностью и почтением. Рассказывается об удивительных случаях, сопровождавших этот героический экзодус. Говорится: когда Таши-Лама бежал около озер Северо-западной области, вооруженная погоня из Лхассы одно время почти настигла его. Предстоял длительный обход еще незамерзшего озера, и смутились сопровождавшие Таши-Ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За ночь ударил сильный мороз,

и озеро покрылось льдом, а затем заporошил неожиданный снег. Перед зарею беглецы перешли озеро по льду, чем и сократили путь свой. Между тем взошло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней.

Некоторое время следуя по указанному нам пути, мы шли как раз по линии следования Таши-Ламы, и поучительно было слышать говор народа и общее ожидание возвращения духовного владыки Тибета. Ведь именно Таши-Ламы связываются с понятием Шамбалы.

Сами тибетцы говорят все это и указывают, что Лхасские чиновники не ведут к расцвету ни народ, ни религию.

Посмотрим несколько религиозно-бытовых картинок, чтобы понять, насколько современное состояние религии в Тибете должно быть очищено.

Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты. Допустимо ли это?

Или водяные и ветряные мельницы и даже часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая богомольцев от затраты энергии. Относится ли это к заветам Будды?

Недалеко от правительственного дзонга стоит новейшее языческое мольбище - высокий камень, обмазанный жиром. Оказывается, само Лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного оракула.

Запрещается убивать животных - это очень хорошо. Но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков. Рассказывают об особенном способе безгрешного убийства, когда животных загоняют на скалу, и они, падая, убиваются сами.

В углу лавочки сидит хозяин-лама и крутит молитвенное колесо. На стене висят изображения Шамбалы и Дзон-Капа. Но тут же стоят корчаги с огромным количеством местного вина, выделанного хозяином для спивания народа.

Лицо, состоящее при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуяз-

вимости от огнестрельного оружия за цену в триста рупий. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом. Но верующий лхассец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять о чудесной силе амулета. Когда же вы на „козла отпущения“ не соглашаетесь, то лхассец уходит возмущенный.

Высшим наказанием считается лишение перевоспитания. Для этого у наиболее важных преступников отрезают голову и сушат ее в особом помещении, где хранится целая коллекция подобных останков.

Около священных мендангов и храмов валяются дохлые собаки, и священные надписи покрыты человеческими испражнениями. На дороге и на полях валяются священные надписи, и распалось много ступ, и многие храмы заброшены.

Около Лхассы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных остатках принято кататься в голом виде „для сохранения здоровья“. Бурят Цибилов в своей книге о Тибете уверяет, что Его Святейшество Далай-Лама выполнил этот ритуал.

Очень замечательны показания тибетцев о так называемом „Ролланг“ - воскресении трупов. Всюду говорят о „воскресших трупах, которые вскакивают и, полные необычайной силы, убивают людей“.

Тибетцы рассказывают, что отравитель человека высшего положения будто бы получает себе все счастье и преимущество отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается, как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищею, присланной им на дом, как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и кольцах.

Кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть.

Таких картинок из действительности можно приводить множество. И все они показывают, как многое около вопроса религии должно быть очищено и исправлено. Но мы знаем целый ряд очень достойных лам и будем надеяться, что они смогут просвещенно внести оздоровление Тибета.

„Зачем наши так часто лгут?“ - сокрушается тибетец на берегах Брамалутры. И этот порок должен быть исправлен.

Слышно, что Таши-Лама, находясь сейчас в Монголии, занят утверждением мандалы буддийского учения. От этого нужно ждать благодетельных последствий, ибо Тибет так нуждается в духовном очищении.

Говоря о состоянии религии в Тибете, нужно упомянуть о черной вере противников Будды. Как нам пришлось убедиться, помимо Гелугпа, помимо красно-шапочной секты Падма-Самбхавы и многих других ответвлений, в Тибете очень развита черная вера Бонпо. Распространена она гораздо шире, нежели можно предполагать. Даже говорят, что Бонпо усиливается; целый ряд монастырей мы видели в различных областях Тибета. Все они имеют очень зажиточный вид. В Шаругене нас приняли в монастыре Бонпо очень дружелюбно и даже допустили в свой храм и показали свои священные книги, предлагая Юрию читать их. Но затем вдруг отношение изменилось; оказывается, Бонпо прослышали о нашем отношении к Буддизму и сочли нас за врагов. Бонпо говорят, что буддисты их враги. Будда не признается. Далай-Лама считается лишь светским правителем. Обряды совершаются противоположно Буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца. Вместо Будды изобретен свой особый покровитель, биография которого странно совпадает во многих частях с жизнеописанием Будды. Имеются свои священные книги. Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнести к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах

свастики. Древние, солнечные и огненные культы несомненно находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно.

И в отношении Бонпо и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Транс-Гималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее Бонпо может быть как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов.

Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки и сравним их с такими же из аланских и готских погребений южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла - ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге. Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения. Кроме менгиров и кромлехов, в области Шенза-Дзонга, тоже в Транс-Гималаях, нам удалось найти древние могилы, напомнившие алтайские погребения и могилы южных степей. Жаль, что в Тибете невозможна раскопка, ибо говорится, что будто бы Будда запретил трогать недра земли.

В той местности Транс-Гималаев, называемой Доринг - Длинный Камень, очевидно от древних менгиров, мы встретили совершенно необычайный для Тибета женский головной убор. Убор представлял собою ярко выраженный славянский кокошник, обычно красного цвета, украшенный бирюзой, серебряными монетами

или униженный бусами. Ни к северу, ни к югу подобный убор уже не был встречен. Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени. Язык их ничем не отличается от прочих северных испорченных наречий. Вообще с наречиями в Тибете трудно, ибо, кроме основного Лхасского наречия, каждая местность имеет свой говор, иногда настолько отличный, что сами тибетцы Лхасского наречия не понимают своих соплеменников.

Еще две аналогии вспомним. Когда я показал тибетцу геральдического единорога, он не удивился, но начал утверждать, что в Тибете была и даже где-то в Каме до сих пор встречается единорогая антилопа. Другие тибетцы даже брались достать нам этот вид антилопы, если мы побудем в Тибете.

Изображение единорога встречается на китайских и тибетских танках. Британский исследователь Брайан Ходсон вывез один экземпляр особой единорогой антилопы. Таким образом геральдический миф около Гималаев делается действительностью.

Другое обстоятельство, встреченное нами в разных областях Тибета - это священные бусы дзи или зи. Можно различать два вида этих бус. Один новый - китайские подделки, но другой, старинный, ценится в Тибете очень высоко. Некоторые виды бус до 1500 рупий за каждую. Бусам приписывают чудесную силу. Говорят, что зи при обработке полей выскакивают из земли. Говорят, что это отвердевшая стрела молнии или помет небесной птицы.

Ценность бус различается по знакам на них. Сами бусы представляют вид роговика со знаками, нанесенными на них каким-то особым способом. Интересно, что подобная же буса была найдена при раскопках Таксилы среди древностей не позднее первого века нашей эры. Так что древность зи правильно оценивается тибетцами. Может быть, это были древние талисманы или терафимы.

Также не следует забывать, что католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в

четырнадцатом веке, сообщает, что Лхасса или местность ее называлась Гота. Вспомним и о легендарном царстве Готл.

Чтобы покончить с аналогиями, вспомним, не делая никаких выводов, что племена северного Тибета Хоры странным образом напоминают некоторые европейские типы. Ничего в них нет ни китайского, ни монгольского, ни индусского. Перед вами в искаженном виде проходят лики с портретов старофранцузских, нидерландских, испанских художников. Жители Лиона, баски, итальянцы кажутся вам в этих орлиных носах, больших прямых глазах, в характерных морщинах, в сжатых губах и черных длинных прядях волос. Эта область еще даст интереснейшее сопоставление.

Теперь оглянемся на искусство Тибета. Старое искусство Тибета справедливо в последнее время начинает цениться и входить в число признанных ценностей. Это будет совершенно справедливо. Больше того - предскажем, что оценка старого искусства Тибета еще повысится.

Возьмем ли мы живописные изображения, танки и стенопись. Если они будут принадлежать ко времени ранее девятнадцатого века, они доставят нам величайшее наслаждение. Не будем настаивать на том, что существует какой-то особый тибетский стиль. Конечно, в искусстве Тибета мы всегда узнаем сочетание старого Китая, Индии или Непала. Ведь первое изображение Будды Тибет получил в шестом веке из Китая и Непала. Но китайские и индусские первоисточники были так прекрасны, что каждое сочетание их давало высокое художественное целое.

Но в девятнадцатом веке началась механизация искусства. Начался трафарет и дряблкое пересказывание хороших образцов. Так что, устанавливая точку зрения на искусство в Тибете, скажем, что в настоящее время, во время переходное, собственно искусства и творчества в Тибете нет. И сами тибетцы отлично понимают, что старинная работа во всех отношениях далеко превосхо-

дит современную. Но и в этом заключении нет безвыходного приговора.

На опытный глаз можно заметить, что хотя и в робкой манере, но какие-то новые попытки входят в жизнь. Будем думать, что переходное время Тибета найдет решение в разумном подходе к своим ценностям.

Просвещенные ламы найдут средство возвысить религию, внося в нее истинные заветы Будды. Народ найдет применение своим способностям, ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты.

Строительство тибетское тоже включает в себе необыкновенные возможности. Возьмите старые тибетские твердыни, начиная от главного и единственного здания Тибета - семнадцатизэтажной Поталы. Разве подобные сооружения не пригодны для новейших усовершенствований и разве не подают они руку нашим небоскрегам?

Сейчас в Лхассе запрещено электричество на улицах города, запрещен кинематограф, запрещены швейные машины, запрещено носить европейскую обувь.

Опять в Тибете запрещено светским людям стричь волосы. Военным высшим чинам за обрезание шиньона угрожает разжалование. Опять приказано людям одеваться в длинные халаты, малоудобные для работы, и в тибето-китайскую обувь. „Стэтсмэн“ от 17 февраля 1929 года сообщает к предположению о четвертой экспедиции на Эверест:

„Если было трудно получить разрешение для экспедиции ранее, то сейчас это совершенно невозможно. Даже жители долины Арун, которые сделали хорошие деньги от иностранцев, противятся разрешить им вступить в страну в четвертый раз“. Рассказывается, что, когда экспедиция 1924 года вернулась в Индию, Далай-Лама заболел на один день. Было сделано изыскание по всему Тибету, чтобы найти, где монахи нарушили свой обет, и было найдено, что монах в долине Аруна съел

рыбу. В объяснение своего действия, которое вовлекло в опасность жизнь Далай-Ламы, он мог только объяснить, что он пришел в возбуждение, видя так много иностранцев вблизи монастыря.

Вспоминаю историю о трех курицах. У нас в караване было три куры, которые, несмотря на ежедневные переходы в корзине на спине верблюда, продолжали исправно нестись. После задержания в Нагчу, не имея чем кормить, мы отдали их тибетскому майору. Исчезновение кур из нашего лагеря было немедленно донесено губернаторам в Нагчу, причем возникла целая переписка о курицах, съеденных иностранцами. Майор должен был письменно свидетельствовать о пребывании куриц в живых. Странно, птиц и рыбу есть нельзя, убить бешеную собаку или опасного кондора нельзя, но зарезать яка и барана можно, не только на потребу светских людей, но даже и лам. Думаем, что не рыба, съеденная монахом, причинила болезнь Далай-Ламе, но, может быть, это было последствие той невероятной грязи, которою „украшены“ некоторые монастыри. Кто сказал, что ламы должны иметь черно-блестящие лица и руки до плеч? Мы были потрясены, увидав этих черно-угольных людей, имеющих явное отвращение к воде. Воображаю, насколько трудно Таши-Ламе и просвещенной части лам воздействовать на черную и самодовольную массу. Ведь именно невежество порождает самоудовлетворение и самодовольство.

Все эти признаки и грязи, и лжи, и лицемерия не завещаны Благословенным Буддой. Учение Будды прежде всего предусматривает самоусовершенствование и движение вперед. Указанные же запрещения показывают тупое поклонение старине. Но в ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцев? Хороша старина, пока она не мешает будущему. Но что же должно произойти, если допущена смерть прекрасного прошлого и запрещено будущее?

Тибет присваивал себе духовное преимущество над своими соседями. Тибетцы смотрят свысока на сикким-

цев, ладакцев, калмыков и называют монголов как бы своими обязательными подданными. Между тем все эти народы уже растут сознанием. Лишь Тибет старается насильственно задержать шаги эволюции. А ведь посмотрите, насколько тибетский народ сам по себе тянется к удобным вещам и инструментам, облегчающим работу. Говорю эти наблюдения не с желанием унижить тибетцев. Много раз мне приходилось отмечать сметливость, поворотливость и работоспособность этого народа. Мы имели в доме нескольких тибетцев, были довольны ими и расстались друзьями. Е. И. вспоминает о своей тибетской ани, которая так хорошо и с таким достоинством сотрудничала в нашем доме. Зная эти хорошие черты тибетской природы, можно только жалеть, что народ этот не получает достаточного руководства, а те, кто мог бы руководить им, лишены этой возможности. Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами. Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукунор. Вспомним, что Далай-Лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета. Не забудем, что целый ряд Таши-Лам оставил просветительные памятники и именно Таши-Ламы объединены понятием Шамбалы.

Временный мрак пройдет, и те, кто когда-то умели строить орлиные гнезда на горных вершинах, те опять вспомнят о славных днях бывшего Тибета и найдут решение их в современности.

Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко - месторождение реки Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непреодолимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы давно невиданных рододендронов. Опять мы в Сиккиме.

Опять вереницы бронзовых полуголых сиккимцев с венками на головах несут за плечами корзины танжерин-нов.

В деревьях свистят и шуршат обезьяны. Огромные синие бабочки, как птицы, вспархивают перед лошадью. Все напитано разнообразной зеленью. С высот, окруженные радужным облаком, шумят водопады.

У реки Тишты на дорогу к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зеленой листве.

Гималаи закрывают Тибет. Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герой, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои...

Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в богатстве своем создали для этой снежной страны высочайшую славу. По всему миру пробежала легенда о Жар-цвете. И в Китае, и в Монголии, и в Сибири, и в Сербии, и в Норвегии, и в Бретани вы можете услышать о чудесном огненном цветке. В конце концов, куда же приведет вас происхождение этой легенды? К тем же Гималаям!

В отрогах Гималаев растет особый вид черного аконита! Местные жители говорят, что они выходят собирать его ночью. В темноте растение светится, и они отличают его этим путем от других видов аконита. Истинно Жар-цвет растет в Гималаях!

Опять индус поет:

„Могу ли я говорить о величии Творца, если знаю несравненную Красоту Гималаев“.

Вы спросите меня:

„Среди всех многообразных впечатлений и заключений, какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?“

Без колебания скажу вам:

„Шамбала!“

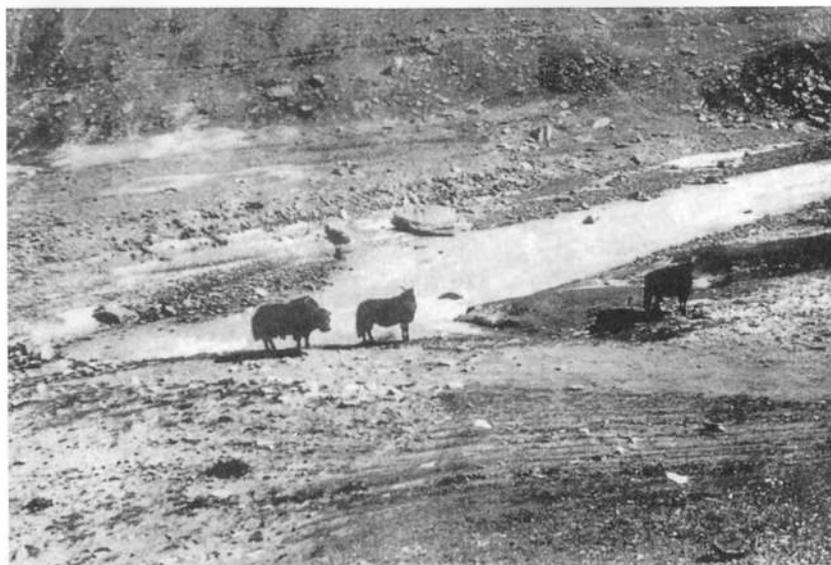
Н.К. Рерих с танкой Шамбалы.
Монголия

Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи
на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции.

Древнее гигантское изображение Майтрейи
на участке караванного пути за Маулбеком (Ладак)

Пейзажи Центральной Азии.
(опубликованы в книге Ю.Н. Рериха
«История Средней Азии» МЦР, 2004 г.)

На маршруте экспедиции.

Озеро Зайсан, 1910 г.

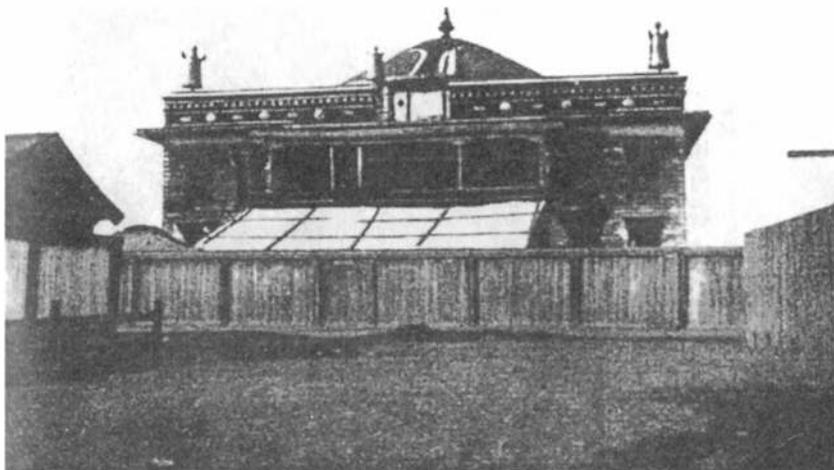
При строительстве Бухтарминской ГЭС в 1953-1966 гг. эта территория оказалась на дне Бухтарминского водохранилища.

Город Усть-Каменогорск. Вид с пожарного депо. Начало XX века.

На реке Иртыш. Пристань Русско-Китайского пароходства,
г. Усть-Каменогорск. Начало XX века

Храм Майтрейи в Урге (Улан-Батор). Монголия

Субурган, построенный участниками экспедиции в Шараголе (Монголия)

Лагерь экспедиции.

Менгиры в Доринге.

Мегалитические сооружения, открытые экспедицией академика Рериха к югу от района Великих озер (Тибет)

ШАМБАЛА

Если будет произнесено здесь самое священное слово Азии - „Шамбала”, вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски - „Калапа”, вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя великого Владыки Шамбалы - Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии.

Если же вы хотите быть поняты в Азии, как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия - для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции.

Бурятский ученый Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное в Монголии, основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы - Шамбалин Дацан.

Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти Дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени.

Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные пространства Азии, Дацаны Шамбалы зазвучат, как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего. В этом кратком сообщении человек, прикоснувшийся к истокам Азии, почувствует, насколько живы и реальны в Азии так называемые пророчества и легенды, идущие из незапамятной древности.

Древнейшие Веды и последующие Пураны и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычайное значение для Азии таинственного слова - Шамбала.

И в крупных Азиатских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о Великой Шамбале, или таинственной Калапа индусов, звучит, как символ Великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Прежде чем говорить о Шамбале собственно, вспомним о Мессинианских понятиях, рассыпанных среди разных народностей Азии, которые при своем разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего.

Хорошо известны Палестинские устремления к Мессии. Известны ожидания великого пришествия у Моста Миров. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик Великого Всадника. Ученые раввины и знатоки Каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому вопросу.

Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенду о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре. Правда, многие муллы, когда вы скажете о Мунтазаре, начнут резко отрицать это, но если вы будете утверждать и, главное, покажете знание вопроса, они переглянутся, улыбнутся и отложат свои отрицания. Даже скажут много значительных подробностей. Они скажут, что в Исфагане стоит белый конь, уже оседланный для Великого Пришествия, а в Мекке уже приготовлен саркофаг для будущего Пророка Правды.

Высокие ученые японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, почерпая муд-

рость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калки Аватаре. И прибавят, что эта новая эра в отличие от прошлых должна наступить стремительно.

Чтобы дать более реальное представление о фактах, скажем просто о том, как в жизни выявляется понятие новой эры и Шамбалы. Во всех этих понятиях, главное, нужно хранить полную правдивость. Всякая цветистость и всякое личное представление может извращать и вредить.

Мы уже знали о Шамбале из тибетского манускрипта, переведенного проф. Грюнведем, под названием „Путь в Шамбалу”. Книга написана Таши-Ламой Третьим, одним из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, каждый читавший этот манускрипт знает, насколько трудно разобраться в громаде символов и в сложных географических намеках.

Пойдем через путевые знаки о Шамбале, встреченные в пятилетнем странствии.

В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, вы узнаете вместо центрального изображения Будды гигантское изображение Майтрейи, Грядущего Будды. Это изображение сделано подобно изображению в Таши-Лунпо, святилище Таши-Ламы, духовного вождя Тибета. Владыка Майтрейя сидит на троне, ноги Его не скрещены по восточному обычаю, но опущены на землю. Это знак скорого пришествия Владыки. Монастырь Гум построен около двадцати лет назад одним ученым монгольским ламой. Лама пришел из Монголии, оставался в Тибете и затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать монастырь, посвященный новой эре Владыки Майтрейи.

В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, говорил нам, стоя перед изображением Владыки будущего:

„Истинно, приблизилось время Великого Пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, уже готовит

свое непобедимое войско для последнего боя. Все Его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы танку Владыки Шамбалы и Его победу над злыми силами? Когда наш Таши-Лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие изображения и среди них несколько картин Шамбалы. Многие ученые ламы покинули тогда Таши-Лунпо. Только что из Тибета пришел геше ларива - лама-художник, гелонг из Таши-Лунпо. Он знает, как писать танку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой Владыки”.

Скоро затем в белой галерее Талай-потанга на желтом коврик сидел ларива - лама-художник. На особо подготовленном холсте он чертил сложную композицию. В середине изображался мощный Владыка Шамбалы во всей славе своих владычных палат. Внизу шла жестокая битва. Беспощадно поражались темные враги праведного Владыки. Картина была украшена следующим посвящением: „Славному Ригдену, Владыке Северной Шамбалы”.

Трогательно было наблюдать, с каким глубоким уважением и почитанием писал изображение лама. Когда же он произносил имя Владыки Шамбалы, он молитвенно складывал руки.

Наш приезд в Сикким как раз совпал с бегством Таши-Ламы из Таши-Лунпо в Китай. Все были поражены этим беспримерным действием духовного главы Тибета. Правительство Лхассы в смятении всюду разыскивало высокого беглеца. Ползли слухи, что Таши-Лама, будто переодетый, бежал в Китай через Калькутту. Кто-то даже был арестован.

Рассказывая об этом событии, лама добавил:

„Истинно, исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опусто-

шат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю. И Панчен Ринпоче покинет Тибет. Истинно, уже наступило время Шамбалы. Великая война опустошила страны. Погибли многие троны. Землетрясение в Японии разрушило храмы. И теперь наш почитаемый Владыка покинул свою страну”.

Следуя примеру духовного вождя, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых высоких лам - Геше Ринпоче из Чумби, которого тибетцы считают воплощением Тзон-Ка-Па. Уважаемый лама, в сопровождении нескольких лам и художников, следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения Благословенного Майтрейи и возглашая учение Шамбалы.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг - наш дом в Дарджилинге, где жил Далай-Лама. Прежде всего Ринпоче обратил внимание на изображение Ригден-Джапо, Владыки Шамбалы, и сказал:

„Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы - вы знаете будущее”.

При следующих беседах высокий лама не раз говорил об учении Калачакры, давая этому учению не столько внешне церковное значение, но, применяя его к жизни, как истинную йогу.

В 1027 году нашей эры впервые встречается учение Калачакры, возглашенное Аттишей. Оно включает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями. С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных, монастырях были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Таши-Лунпо, а Таши-Ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-Ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы.

В Лхассе особо связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своею ученостью. Чис-

ло лам в Морулинге не превышает трехсот. Говорится, что время от времени некоторые ламы из Морулинга уходят в какое-то горное убежище в Гималаях, из которого не все возвращаются обратно. В некоторых других монастырях желтой секты практикуется учение Калачакры. Также имеется особый Дацан Шамбалы в Кумбуме на родине самого Тзон-Ка-Па и в китайском монастыре Утайшане, где настоятель монастыря написал замечательную книгу „Красный Путь в Шамбалу”. Книга еще не переведена.

В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы. В этой картине можно видеть множество воинов, спешащих из всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы.

Когда внимание устремлено в определенном направлении, тогда, как из темноты под лучом света, выясняются новые и новые подробности.

В „Шанхай Таймс”, а затем во многих других газетах, появилась длинная статья, подписанная Др. Лаодзин, о его хождении в долину Шамбалы. Др. Лаодзин рассказывает многие подробности своего замечательного путешествия, в сопровождении йога из Непала, через пустыни Монголии, по суровым нагорьям, в долину, где он нашел поселение замечательных йогов, изучающих Высшую Мудрость. Он описывает библиотеки, лаборатории, хранилища, а также знаменитую башню. Эти описания поражающе совпадают с описаниями этого замечательного места из других, малодоступных источников. Др. Лаодзин описывал замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей. Было поучительно видеть, какой огромный интерес произвели эти сообщения в различных странах.

Во время нашей поездки по Сиккиму мы встретили несколько лам, которые, хотя принадлежали к красной секте, но с увлечением говорили о Шамбале и о тех новых возможностях, которые это время дает человечеству.

Ученый лама, указывая на лесистые скаты Гималаев, говорил:

„Там, внизу у потока, замечательная пещера, но спуск туда очень труден. В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей, жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную Страну. Тогда поднялся Благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падма Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли”.

Другой лама передавал:

„Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения Далай-Ламы и Таши-Ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет Некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936”.

Среди сумерек гелонг рассказывает о Владыке Майтрейе:

„Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конским волосом пилит железную палку. И твердит:

„Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю”.

Смутился человек:

„Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям”.

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

„Давно уже Я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на Меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоем”.

Пошел человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

„Почему бежите вы, люди?“

„Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака“.

И опять не увидели люди Майтрею Будду. И увидели, чего каждый достоин“.

Чутки здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, чего хотите. Иначе вместо Бога увидите собаку.

Старый настоятель Ташидинга рассказывал:

„Наш храм очень стар. Уже много лет я оставался на ночь в храме, кончая и начиная день в молитве. Однажды я имел сонное видение. Две женщины, одетые по-тибетски, предупредили меня о необходимости спешно выйти из храма. Я последовал, и не успел я выйти из двери, как рухнула вся стена, около которой я спал. Так Благословенные Тары спасли мою скромную жизнь. И приняли они в видении вид тибетских женщин, чтобы не испугать меня. Время Шамбалы приходит, и много замечательных знаков будет явлено“.

Старый настоятель знал много других явлений. Он слышал беззвучные голоса, подобно великому отшельнику Миларепе. Он слышал полет невидимых птиц и пчел. В день нашей беседы перед зарею он имел видение: по вершинам гор зажгли гирлянды огней.

Огненные знаки сопровождают эру Шамбалы.

Говорю так, как слышал на месте видений. Нас не должна отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах.

Насколько надо понять местную чувствительность, вы увидите из следующего случая, бывшего с нами. Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки, и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за па-

зухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

„Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благо-словенного с моего алтаря”.

Так мы получили давно желанное изображение.

Или другой незабываемый случай около Гума. Мы четверо после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует. Что в портшезе носят лишь Далай-Ламу, Таши-Ламу и высоких покойников. Что корона надевается лишь во храме. При этом мы шептали: „Верно, мы видели ламу из Шамбалы”.

Другой тибетский лама во время посещения памятных мест Индии около станции Амбала встретил в вагоне индусского Садху, не знавшего по-тибетски. Случайно лама заговорил с Садху по-тибетски, а тот ответил ему на индустани, и оба поняли друг друга. Когда лама рассказывал нам про эту необычайную беседу, он добавил: „Только во время Шамбалы языки будут понимаемы без знания слов и знаков. Мы слышим и понимаем не внешним звуком и видим не телесным глазом, но третий глаз - глаз Браммы, это есть глаз всезнания. Во время Шамбалы мы не будем нуждаться в телесном глазе. Мы будем в состоянии пользоваться великими, скрытыми силами”.

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балю и цвета рододендронов опять лама,

подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчинджунги и сказал:

„Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там”.

Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях.

Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхассе, старый ученый лама лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

„Стетсман”, наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора:

„Во время странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но к его еще большему удивлению его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему:

„Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну”.

Мы спросили ламу об этом рассказе о снежных людях, и опять ответ пришел удивительно спокойный и утвердительный.

„Очень редко можно увидеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых Гималайских областей. Там скрыты священные ашрамы Махатм. Раньше даже в Сиккиме находилось несколько подобных ашрамов”.

„О, - добавил он, - эти мудрые Махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами, и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии”.

К нашему удивлению наш друг упомянул историю, которая уже вошла в западную литературу, как один из Махатм по какой-то неотложной причине предпринял спешную поездку в Монголию, оставаясь в седле по шестидесяти часов.

Какое это особое ощущение, когда в далеких горах в живом изложении вы слышите то, что вы на далеких страницах книг видели за океаном. Этот простой рассказ без всякого личного повода дает особое убеждающее впечатление.

Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы Махатм не проходят перед вашими глазами, как призраки, но, как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Вы, может быть, спросите меня, почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высоко поучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности. В индусской литературе в Вишну Пуране вы можете найти указания, которые одинаково будут понятны как изучающим

учение Махатм, так и преданным ученикам мудрости Шамбалы.

В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества. О священном городе Калапа и о попытках Архатов поднять спящий человеческий дух один раз в каждом столетии. Мы видим в учении Великих Махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустани, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и в множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего.

Иногда вы можете даже подозревать какие-то общемессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее Мессианизма и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий.

В основных учениях Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змия, окружающего землю и переносящего тяжести для человечества, узнаются символы железных дорог. Под символом летающих железных птиц можно понять аэропланы. В указаниях на жизни на различных звездах и в намеках на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой; жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов.

Действительно, так странно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Но должны не забыть, что уже Будда пришел поднять падающую и извращен-

ную культуру и указать на тончайшие космические энергии. Лишь совсем недавно в области Карачи и Лагора были найдены остатки древних городов от 5000 до 6000 лет, показывающие на высокую древнейшую культуру Индии. Эта культура напоминает одну из культур Суммарийских или Эламских. Много цилиндров с надписями, напоминающими Вавилонские, найдены в этих развалинах, и когда их удастся прочесть, они, вероятно, дадут новую страницу человеческой жизни. Без этих открытий еще совсем недавно расцвет индусского средневековья обрывался на нескольких столетиях до нашей эры.

Голоса древних сказаний и позднейшие записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды.

Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспридрассудочном изучении оказываются родственными.

Пример. Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Но уже Ориген, один из самых ранних писателей христианских, упоминает буддистов в Британии. Конечно, проповедники царя Ашоки могли проникать даже к далеким Британским островам. Культ змия Шотландии имеет аналогии с культом китайского дракона и со змием Индии. Всемирный знак креста проходит все тысячелетия через Египет, через свастику к несказуемой древности.

С особым ощущением слушаете вы старые пророчества и сказания, которые являются для образованных лам и браминов мудрым учением жизни.

Чтобы войти в эту атмосферу, послушаем отрывки из Вишну Пуран и перевод тибетских пророчеств.

Среди заветов Тзон-Ка-Па находится сообщение, что Архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Сказано, что лишь когда Таши-Лама согласится быть рожденным в стране Пелингов, т.е. на Западе, и явится, как духовный воитель, только тогда будут разрушены ошибки и невежество веков.

В 1924 году из Тибета пришла в Сикким Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гессар-Хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, Владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гессар-Хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхассы от нечестивцев. В своей статье „Будущий герой Севера“ Дэвид Ниель говорит:

„Гессар-Хан - это герой, новое воплощение которого произойдет в северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их Владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвященными”.

Владыка Гессар-Хан идет с непобедимым войском, чтобы уничтожить нечестивые элементы Лхассы, и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. В Тибете мы могли удостовериться в распространенности этого предания. Нам говорили о дворе Гессар-Хана в Каме, где собраны мечи его воинства, служащие балками этого замка. Стрела - это знак Гессар-Хана. Стрела - это молния, и наконечники стрел, находимые в полях, принято считать отвердевшей громовой стрелой. Война объявляется посылкою стрелы. Приказ о вооружении, как мы видели, навертывается на стрелу. Гессар-Хан вооружен громовыми стрелами, и сужденное войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира.

Тот, кто умеет читать тайные руны, поймет, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Вспомним тибетские пророчества о Шамбале и о Майтрейе.

Пророчества о Шамбале и Майтрейе

Сокровище с Запада возвращается. По горам зажигаются огни радостей.

Посмотрите на дорогу - идут носящие камень. На ковчеге знаки Майтрейи.

Из Священного Царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания.

Знаками семи звезд откроются Врата.

Огнем явлю Моих посланных.

Соберите предуказания счастья вашего.

Так исполняются предсказания предков и писания мудрых.

Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу.

Дам Мой знак молнии.

Указ Гессар-Хана:

„У Меня много сокровищ, но могу дать их Моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копие спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством Мои сокровища поровну и живите в справедливости.

Тому Моему Указу скоро поспеть над всеми пустынями.

Когда золото Мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать Мое Имущество.

Тогда заготовит Мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю”.

„Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их”.

Так заповедано.

Приходящий Майтрейя изображается со спущенными ногами - символ спешности.

Явление Майтрейи сказано после войн, но последние войны будут за Истинное Учение.

Причем каждый восставший против Шамбалы будет поражен во всех делах своих. И волны будут смывать дом его, и даже пес не придет на зов его.

Не тучи, но молнии будет видеть он в последнюю ночь.

И огненный Вестник встанет на столбах Света.

Учение указывает, как каждый воин Шамбалы нарежется непобедимым.

Сам Владыка спешит, и знамя Его уже над горами.

Благословенный Будда посылает вам Любимого Майтрейю, чтоб вы могли приблизиться к Общине. Ваши пастбища протянутся на заповеданную землю.

Когда вы стережете стада, не слышите ли голоса в камнях. Это работники Майтрейи готовят для вас сокровища.

Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майтрейи летят на защиту.

Когда молния озаряет ваши улусы, знаете ли вы, что это свет вашего желанного Майтрейи.

Кому же поручается стража в первую ночь? - Вам.

К кому же направляются Мои посланные? - К вам.

Кто встретит их первыми? - Вы.

С запада, с гор придут Мои люди. Кто же примет их и сохранит их? - Вы. Молите Тару побыть с вами.

Желайте сердца омыть до прихода Моего. Каждый узнавший о Моем желании покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красною тесьмой.

Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где Моя чаша, там ваше спасение.

На горах зажглись огни, приходит новый год. Кто проспит, тот более не проснется.

Северная Шамбала идет.

Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния.

Дуккар многоокая и многорукая посылает нам чистые мысли.

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями.

Раз, два, три - вижу три народа. Раз, два, три - вижу три книги. Первую - Самого Благословенного, вторую - явленную Асвогошею, третью - явленную Тзон-Ка-Па.

Раз, два, три - вижу три книги. Приход Майтрейи. Первая написана на Западе, вторая написана на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три - вижу три явления. Первое - с мечем, второе - с законом, третье - со светом.

Раз, два, три - вижу три коня. Первый черный, второй красный, третий белый.

Раз, два, три - вижу три корабля. Первый на воде, второй под водою, третий над землею.

Раз, два, три - вижу три орла. Один - сидящий на камне, второй - клюющий добычу, третий - летящий к солнцу.

Раз, два, три - вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый-серебряный.

Утверждаю, что Учение вышло из Бодхи Гайя и вернется туда.

Когда шествие с Изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к Первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбала.

Тогда можете получить пользу от произнесения этого слова.

Тогда мысль о Шамбале даст пищу, тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

И великое и малое проникнется понятием Учения.

Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю - непобедима Шамбала.

Завершился круг несения Изображения.

В местах Будды, в местах Майтрейи пронесено Изображение.

„Калагия” - произнесено.

Как знамя, развернулось Изображение.

Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о Священной Шамбале.

Обойдет знамя Шамбалы срединные земли Благословенного, признавшие его возрадуются и содрогнутся отвергшие.

Спросит Таши-Лама Великого Далай-Ламу, что суждено последнему Далай-Ламе.

Отвергнувший будет предан суду и забвению, и пойдет воинство под знаменем Майтрейи, и станет город Лхасса омраченным и пустым.

Восставшие против Шамбалы низвергнуты будут.

Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли Нового Мира для затемненных и, как огненное солнце, для появившихся.

Найдет Таши-Лама Великого Далай-Ламу, и скажет Далай-Лама:

„Пошлю тебе лучший знак мой молнии, иди и прими Тибет. Кольцо сохранит”.

Вспомним также индусские традиции.

Калки Пураны указывает Калки Аватара, который придет:

„По желанию вашему, я буду рожден в месте Шамбалы... Я снова поставлю на земле двух Владык - Мару и Девапи. Я утвержу опять Сатиаюгу и восстановлю Дхарму в ее прежней силе. После поражения Калиюги я возвращусь в мое местопребывание”.

Вишну Пураны продолжают:

„Девапи и Мару... живущие в месте Калапа, исполненные великой йогической мощи, в конце Калиюги восстановят Варну и Дхарма Ашрам, как ранее”.

Шримад Бхагавата в книге VI говорит:

„Эти Великие Риши и другие великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам”. Шанкарачария в его Вивека Чудамани говорит:

„Эти Великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество”.

Вишну Пураны говорят о конце Калиюги, когда варвары будут владеть берегами Инда:

„И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко злу. Они будут убивать женщин и детей... Они отнимут ответственность подданных. Жизнь их будет коротка и вожделения ненасытны. Люди разных стран соединятся с ними... Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир.

Имущество станет единым мерилom. Богатство будет причиной поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Женщины станут лишь предметом вожделения. Богатый будет считаться чистым. Роскошь одежд будет признаком достоинства...

Так в Калиюге будет постоянное падение... И тогда в конце черного века явится Калки Аватар... Он восстановит справедливость на земле... Когда Солнце и Луна, и Тишья и Юпитер будут вместе, тогда вернется Сатиа - век белый”.

Агни Пураны говорят следующее:

„В конце Калиюги смешаются касты. И будут процветать разбойники без пощады. Под личиною религии будут проповедовать ересь. И злые духи под видом владык будут раздражать людей. В доспехе вооруженный Калки, сын Вишну-яши, уничтожит злых духов, восстановит порядок и достоинство и поведет народ по пути истины. Исполнив это, он оставит облик Калки и вернется в высшие сферы. После чего Критаюга установится, как ранее”.

Продолжим наше хождение пилигрима через Бенарес, где, сказано, будет рожден Майтрейя. Пересечем старую дорогу на Кадарнат, ведущую к Великому Кайласу, местопребыванию мощных отшельников, и к путевому знаку на Шамбалу. Пройдем затем Лагор с соседними старинными областями.

Дойдем до Кашмира, где трон Соломона и так называемая гробница Иисуса. В Кашмире жили великие подвижники первоначального Буддизма - там произносилось имя Майтрейи.

Достигнем границы Ладака. В Драсе, вместе с рисунками старого Неолита на скалах, мы найдем первое изображение Майтрейи. Рядом с ним на камне можно увидеть изображение всадника. Опять великий всадник Калки Аватар Индии и Майтрейя, завещанный Буддизмом, стоят вместе, на одном пути, благословляя путников.

В Маулбеке, в древнем месте, наполненном развалинами, можно вспомнить о прекрасном прошлом. У самой дороги, где с древнейших времен проходят караваны, мы были приветствованы величественным изображением Майтрейи, вероятно, изваянным рукою индуса.

На обратной стороне скалы китайская надпись. Не есть ли это то самое замечательное изображение, которому Фа-Сиен, знаменитый китайский путешественник, посвятил почтительное описание в своих записках.

Даже в Ламаюре, в этом старом месте Бонпо - этой необъясненной еще полушаманистской религии, - к нашему великому изумлению, мы нашли изображение Майтрейи.

Странно было найти его в храме Бонпо, где даже отрицается сам Будда. Но этот призыв к будущему, как видно, проникает даже в самые неожиданные места.

В Саспуле - еще более древнее изображение Майтрейи, не моложе шестого века. Старый лама, показывая нам эту достопримечательность, шептал о скором наступлении новой эры. В этом маленьком уснувшем месте, окруженном развалинами прежних крепостей и храмов на вершинах гор, было так странно слышать о блестящем будущем. Но именно эта преданность будущему дает даже заброшенным местам не только смысл о прошлом, но делает их путевыми вехами к сужденным достижениям.

Только покажите старому ламе, что вы понимаете его говор не только грамматически, но и внутренне, и он добавит вам еще многие замечательные указания. Если же покажете ему еще пророчества, полученные вами в Индии или Сиккиме, посмотрите, с каким оживлением

попросит он у вас разрешения списать их. Будьте уверены, он не сохранит их только для себя, но бродячие ламы понесут к другим одиноким местам эти знаки возрождения.

Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей - Спитуг.

Старший лама этого монастыря, видимо, сомневался, как принять нас и о чем беседовать с нами. Так что первый момент нашего посещения был довольно сдержан. Но мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенного ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. Вместо натянутой беседы мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренно огорчены, когда пришло время оставить их. Шептали они:

„Кто-то с Запада и знает о Шамбале: это знак нового времени!“

В Лехе, столице Ладака, особенно много собралось воспоминаний о Гессар-Хане и Шамбале. Ладак считается родиной Гессар-Хана, и махараджи Ладака ведут свой род от этого героя. Много прекрасных романтических песней и сказаний посвящено великому герою Гессар-Хану и его жене Бругуме. Здесь, в Ладаке, вы можете видеть на высоких скалах белую дверь, ведущую в замок Гессара. Здесь же на скале изображение огромного льва, соединенное с тем же героем. А на дорогах вы можете видеть разнообразные изображения Майтрейи, и грубые, и заботливо обработанные. В самом Лехе около храма Будды и Дуккар, Матьерь Мира, находится особый, очень тонко украшенный храм, посвященный Майтрейе. В молчании сумерек высокого храма вы различаете на стенах тонко написанные изображения Боддисатв. А в середине, высоту в два этажа, опять готовый сойти с трона, высится сам Великий Майтрейя. Этот храм особенно украшен. И вы видите какое-то особое почитание лам около великого изображения.

Один из наших западных друзей, невежественный в делах Буддизма, смотря на танку Шамбалы, сказал мне:

„Мне кажется, что это совершенно обыкновенное Тибетское знамя”.

Я спросил его:

„Если это совершенно обыкновенное изображение, как часто и где именно вы видели этот сюжет?”

И он признался простодушно:

„Конечно, может быть, не совсем этот, но какой-то такой же с какими-то Буддами”.

Когда вы знаете сложное значение восточных символов и Буддистской иконографии, тогда особенно странно слышать такое легкомысленное замечание о „каких-то Буддах”. Вы можете представить себе, какое впечатление может произвести этот господин, толкующий „о каких-то Буддах”, в восточном храме, где он начнет простодушно обсуждать неизвестные ему вещи. Для некоторых людей каждый сидящий со скрещенными ногами - уже Будда. А ведь через это незнание происходили тяжкие недоразумения.

Один образованный буддист рассказывал нам, как он спас трех немцев, которые вошли во храм с сигарами во рту, и добродушная толпа немедленно обратилась в бешенство, и кровопролитие казалось неминуемо.

Мы должны знать не только потому, что мы не должны оскорблять чувства иноверцев, но потому, что мы должны расширять свой взгляд и тем получать радость истинного знания.

Вспомним некоторые Ладакские песни на религиозные темы. Прежде чем мы приблизились к суровому Сассеру и Каракоруму, в последний раз мы встретили изображение Майтрейи в пограничном монастыре Сан-долинг. Этот монастырь знаменит тем, что на скале за ним лучи заходящего солнца очень часто создают удивительные облики. Это очень старый и даже внешне уже ветшающий монастырь. И тем неожиданнее было найти здесь совершенно новое изображение Майтрейи, Шам-

балы и Дуккар. Глядя на эти новые изображения, можно представить себе, куда движется местная современная мысль.

В продолжение многодневного прохода через необитаемое нагорье, конечно, нельзя ожидать найти какие-либо следы религиозной жизни. Тем не менее даже около ледников несколько раз обстоятельства напомнили нам великие имена будущего.

Поздним вечером, как раз перед переходом скалистого Караул Давана, нас посетил нежданный гость, старый седобородый мусульманин. Окруженные огромными скалами, сидя перед входом в палатку, залитые яркой луной, мы беседовали о Коране и Магомете. Он говорил нам о том, как Магомет уважал женщину. Затем он говорил о манускриптах и легендах об Иссе, лучшем из сынов человеческих. Исса - это Иисус. Он говорил, как мусульмане жадно собирают всеми способами все относящееся до Иссы. После Иссы мы толковали о Мунтазаре, этом соответственном понятии Индусскому Калки Аватару и Майтрейе Буддистов. Наш неожиданный друг вошел в полный энтузиазм. На его губах имя Майтрейи звучало с тем же уважением, как и имя Мунтазара. Будущее единение мира, будущие радости взаимного понимания звучали в его надеждах.

Пройдя четыре снеговых перевала уже в пустынном нагорьи, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах Владыки Шамбалы, о Его чудесном перстне, обладающем великими силами. Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без

милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого Владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко.

Может быть, говорится, как Благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладака появляется могущественный Владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости.

В Ладаке впервые мы встретились с замечательным обычаем лам. В ненастную погоду они всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие изображения коней в помощь страждущим путникам. Вспомнилось сказание Северной Двины, где Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился, сидя на высоком берегу мощной реки. Знаки человеколюбия!

Спускаясь с гор к пескам Такламакана, встречая только мусульман, сартов или китайцев, видя лишь мечети и китайские храмы Хотана, вы не можете ожидать что-либо о Шамбале. Но именно здесь мы встретились с еще одним ценным указанием. Вокруг Хотана имеется много развалин старых буддийских храмов и ступ. Одна из этих древних ступ окружена сказанием. Указывается, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы будет излучаться таинственный свет.

Указывается, что этот свет уже был виден.

Много калмыков из Карашара приходят оказать почтение этому месту. Также указывается, что через эти именно места сам Будда проходил во время пути своего к Алтаю.

Во время наших стоянок в Яркенде, Кашгаре и Кучаре мы слышали такие сказания:

„В Кашгаре жил святой человек. На заре он слышал, когда поют петухи в далекой священной стране, за шесть месяцев пути отсюда”.

Между Марал Баши и Кучарами наш конюх Сулейман, указывая на гору к юго-востоку, говорил:

„Вот за тою горою живут святые люди. Ушли они от мира, чтобы спасти людей мудростью. Многие ходили в их страну, но мало кто дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу”.

Вы легко можете понять, что эти сказания имеют в виду то же самое место Шамбала. Даже географическое направление, даваемое при этих рассказах, относится к местонахождению средоточия всех народов.

После мусульманских городов и пустых пещерных храмов существующий и теперь Буддизм показался в области Карашара.

Карашар является не только средоточием карашарских калмыков, но и последним, упомянутым историографами, местопребыванием чаши Будды. Чаша Благословенного была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. „Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы”.

Пурушаиура, или Пешавар, некогда был городом чаши Будды. Принесенная туда после смерти Учителя, чаша в течение долгого времени была предметом преклонения. Во времена китайского путешественника Фа-Сиена, около 400 г. нашей эры, чаша еще находилась в Пешаваре, в нарочно для нее выстроенном монастыре. Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее.

Во время другого китайского путешественника Сюан-Цзана, около 630 года нашей эры, чаши уже не было в Пешаваре. Она была в Персии или уже в Карашаре.

Чаша Будды чудотворна и неистощима - это чаша жизни.

Вспомним о почитании чаши бессмертного напитка, о борьбе из-за которого так поэтично повествует Махадхагарата. Индра берет от царя Нагов чашу и относит ее на небо. У мусульман в Кандахаре есть тоже своя святая чаша.

По персидским сказаниям, когда Джемшид стал рыть основания города Истакара, была найдена волшебная чаша „Дшами Джемшид“ из бирюзы, полная драгоценного напитка жизни.

Сказания Соловецкого монастыря о ветхозаветных лицах упоминают чашу Соломона: „Велика чаша Соломона, сделана из драгоценного камня. В ней написаны три стиха самарейскими письменами, и никто истолковать их не может“.

В Харране имеется священная чаша Фаа Фага. Из нее пьют принимающие участие в мистерии и на седьмой день возглашают:

„Учитель, да возвестится неслыханное!“

В обрядах ведизма, буддизма, маздоизма, всюду является священный символ чаши жизни.

Джатака рассказывает о происхождении чаши Будды:

„Тогда с четырех стран пришедшие четыре хранителя мира поднесли чаши, сделанные из сафира, но Будда отказался. Снова они предложили четыре чаши, сделанные из черного камня мугаванна, и Он, полный сострадания к четырем учениям, принял четыре чаши. Одну в другую поставил и приказал: да будет одна! И края четырех чаш стали видимы только, как черты. Все чаши вошли в одну чашу. Тогда Будда в эту новосделанную чашу принял пищу и, насытившись, совершил благодарение“.

Лалита Вистара, рассказывая о таинстве чаши Будды, приписывает Благословенному следующие значительные обращения к царям принести чаши: „Поклонись чашею Будде и ты будешь в чаше, как в сосуде познания“. „Предложив чашу нам подобному, не будешь оставлен ни памятью, ни суждением“. „Кто дает чашу Будде, тот не будет оставлен ни памятью, ни мудростью“.

Эта чаша - ладья жизни, чаша спасения, скоро снова должна быть найдена. Так знают в пустынях.

В Карашаре мы встретили Таин-Ламу, вождя Карашарских калмыков. Он также окружен легендой, что он

является перевоплощением знаменитого Санген-Ламы из Шигатзе, первого министра Таши-Ламы, который был замучен лхасским правительством по обвинению в измене за сношения с известным путешественником Чандра Дасом. Интересно вспомнить, что старый Санген-Лама предсказал свой конец и даже заказал изобразить в стенописи то озеро, в котором он затем был утоплен. Также он предсказал, что он скоро опять воплотится в Калмыцкой стране, и на колене Таин-Ламы имеется тот самый характерный дефект, которым отличался покойный Санген-Лама.

В великом изумлении глава калмыков, Таин-Лама, услышал от нас о Шамбале. Он воскликнул:

„Истинно, великое время пришло, вот вы приходите с запада и вы знаете величайшую мудрость. Мы все готовы пожертвовать все наше имущество, решительно все, что может служить на пользу Шамбале. Все всадники будут на конях, когда Благословенный Ригден-Джапо пожелает иметь их“.

Когда приближаетесь к Турфану, то еще большее количество легенд доходит до вас. Древние буддийские пещерные храмы, подземные ходы, наконец, старые подземные арыки для орошения, - все это придает необычайность этой местности. Опять все это приводит к тому же понятию о далекой священной стране, где живут мудрые люди, готовые помочь человечеству.

Рассказывается:

„Из пещеры как-то вышел незнакомый человек, высокий и не в нашей одежде. Пришел на базар в Турфан. Хотел овощи купить, только дает за них золотую монету, а как рассмотрели ее, видим, что таких денег уже тысячу лет как не бывало. Этот человек пришел из Святой Страны“.

Или говорят:

„Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу - помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из Святой Страны“.

„Несколько всадников совсем особого вида были видны около пещеры. А затем исчезли они. Должно быть, ушли через подземный ход в мою страну. По их ходам даже на коне проехать можно”.

И сколько таких неизвестных всадников-посланцев привлекает внимание.

Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где серебрится снегами хребет:

„Вот там священная наша гора Саур. С вершины ее в ясные дни видны горы Священной Страны. Под горою засыпан песками город Аюши-Хана. Можно видеть еще и стены и храмы и субурганы”.

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников – финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя - Ойротия. Страна Благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И еще чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали.

В 1904 году молодая Ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам Благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и придет сам Бурхан скоро.

Дал Благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания Благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

Вы, живущие за белыми облаками -	Белый Алтай!
За синими небесами —	Ты, сияющий днем!
Три Курбустана!	Ты - солнце Бурхан!
Ты, носящий четыре косы —	Ты, сияющий ночью!
Белый Бурхан!	Ты, Месяц Бурхан!
Ты, Владыко Алтая —	
Белый Бурхан!	
Ты, населяющий вокруг себя	Пусть зов мой запишется
Народы, в золоте и серебре,	В священную книгу Сагур!

Местная администрация смутилась, узнав об этой новой вере, как они называли ее. Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жестокому преследованию. Но наставления Благословенного Ойрота не погибли. До сих пор всадник на Белом коне появляется на горах Алтая и растет вера в Белого Бурхана. В разбросанных юртах шепчется легенда, что на реке Катуни произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой Горы сияет уже свет Белого Бурхана. И при этих словах головы собеседников обращаются на юг от Алтая, туда, где далеко вздымаются высочайшие горы, сверкающие в снежном уборе. Такое случилось среди Ойротов в Алтайских горах.

В тех же горах и другое чудо замечено и опять в направлении Шамбалы и светлого будущего. В тех же Алтайских округах живет много староверов. Века тому назад они скрылись в темных лесах, спасая свою старую веру от новых законов Никона, а затем Петра.

В чистоте и строгости еще соблюдается там старинная вера. Они имеют свои иконы и своих начетчиков и блюдут свои молитвы и обычаи. И даже при последних событиях в Сибири этот край внутренне был мало затронут.

В середине 19-го столетия необычайная весть была принесена к Алтайским староверам:

„В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье”.

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту.

Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям.

Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

„Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается.

Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать”.

Когда вы сообразите названные географические имена, вы легко поймете их смысл. Иртыш и Аргунь произнесены правильно. Соленые озера, конечно, это озеро Цайдама с их опасными переходами. Богогорше, или Богогорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда. Кокуши - каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т.е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов. Это учение о Беловодье и теперь так сильно на Алтае, что

всего шесть лет тому назад целая группа староверов отправилась на поиски священного места; до сих пор они не вернулись. Но когда мы проходили Алтай в 1926 году, некий Ойрот принес письмо от одной женщины, ушедшей в той же группе. Она сообщает родственникам, что они еще не достигли святого места. Но все же полны надеждами дойти до него. Она не могла сообщить, где она живет сейчас, но говорит, что жизнью довольна. Итак, опять легенда и сказка переплетается с жизнью. И эти люди твердо знают о Беловодье-Шамбале. И они шепчут путь к Гималаям.

Когда мы пересекали Алтай, несколько школьных учителей пришло к нам, шепча вопрос:

- Неужели вы из Индии? Расскажите нам, что вы знаете о Махатмах?

И глаза жадно ловили ответ, и они схватывали каждый намек из учения Великих Махатм. И опять тихо говорили они:

„Мы не одни, нас много. И мы только мечтаем об этом учении!“ - И это было в диких горах, в глухих лесах.

Странную повесть слышали мы. Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении Махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания.

Опять к тому же источнику.

Уже покидая Алтай для Монголии, я слышал священный стихирь, напевно сказанный пожилым старовером.

Старик поет:

„А прими меня, пустыня тишайшая” —
„А и как же приму я тебя, царевича?
Нет у меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат”. —
„А и не нужно мне ни палат, ни дворцов”.

Маленький пастух на горе поет:

О, Учитель мой любимый,
По что Ты покинул меня?
Ты покинул меня, сироту,
Провести в печали все мои дни.

Я бегу, как от змея,
От земной славы и прелести,
От богатства и палат блестящих.
О, пустыня возлюбленная, прими меня!

О, пустыня прекрасная!
Прими меня в свое лоно.
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.

Я пойду в твои поля
Дивиться на цветы чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до окончания дней моих.

Я распознал в этом напеве старый стихирь о Иосафе, сыне Царя. Это был старинный напев о жизни Будды, причем жизнь Учителя была представлена под именем жизни Иосафа, сына Царя Индии. Иосаф, Иосафат - это измененное Боддисатв, искаженное в арабском произношении.

Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит:

„Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый Царь пришел Алтай воевать и как зацвела Белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым Царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. - Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь, со всеми добытыми сокровищами”.

В Бурятии и в Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты.

Когда мы приближались к Урге, столице Монголии, мы должны были переночевать на берегу реки Иро. Поздним вечером на другой стороне реки засветились какие-то огоньки. Мы спросили о них и получили совершенно необычайный ответ.

„Там стоит большой монастырь и сейчас он доставляет много хлопот Монголии. В прошлом году около

этого монастыря родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, как он сказал по-монгольски замечательное пророчество о будущем. А затем больше ничего не говорил, как обычный ребенок”.

Видите, вот опять весть о будущем.

Когда мы вошли в Ургу, около одного храма мы заметили окруженное тыном пустое место.

„Что это?”

И опять неожиданный ответ:

„Это место будущего храма Шамбалы. Какой-то неизвестный лама пришел и приобрел это место для будущей постройки”.

В Монголии не только много образованных лам, но даже много светских людей и членов правительства могут сообщить вам немало замечательных подробностей об этих вопросах.

Когда мы показали некоторые из привезенных пророчеств о Шамбале лицу, близкому Монгольскому правительству, он воскликнул в величайшем изумлении:

„Но ведь это то самое пророчество, которое сказано мальчиком на Иро! Поистине, великие времена приходят”.

А затем он рассказал нам, как совсем недавно молодой монгольский лама из Улясутая написал новую книгу о Шамбале, объясняя высокое значение Шамбалы для будущего и говоря о способах достижения этого замечательного места.

Другой очень интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Среди описания этого необычного пути попадались некоторые поразительно реалистичные подробности. Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже границы священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженых солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг

этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть. Другая маленькая подробность из этого же путешествия останавливает внимание. Когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно узким подземным ходом... Он встретил там двух людей, проводивших с большим трудом породистого барана, который нужен был для научных опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На улицах Урги проходит отряд всадников Монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню.

„Что это за песня?“

„Это песня о Шамбале“.

При этом рассказывают, как Сухе-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распевается сейчас по всем углам Халки. Начинается она так:

„Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы Война.
Умрем в этой войне,

Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы“.

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно поднимаются в честь Шамбалы.

Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы.

Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину - „Ригден-Джапо - Владыка Шамбалы“, она была принята с совершенно особыми чувствованиями. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое к правительству, спросило меня:

„Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад.

Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам Благословенный Ригден-Джапо! И он Сам обернул все головы толп с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине”.

Такие совпадения с картиной и с пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

„Истинно, время Шамбалы пришло!”

Много других удивительных событий было рассказано образованными бурятами и монголами. Они знали о таинственном свете над Хотанским субурганом. Они говорили о будущем нахождении утраченной Чаши Будды. Много внимания уделялось чудесному камню, упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями.

Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным камнем.

Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и Император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис - Блуждающий камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Волфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами:

„И этот камень называется Грааль”.

Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении Великим Махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один - Ердени Дзо на Орхоне, и другой - Нарабанчи.

О посещении Махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели сведения в литературе, но приятно было уз-

навать совершенно те же подробности и от лам далекой Монголии. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм, и немедленно зажгли все лампы. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хуараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо Гегена и открыл свой лик. И все присутствующие узнали Самого Благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и прибыли.

Другой рассказ о прибытии Гималайского Махатмы в Монголию был сообщен нам членом Монгольского Ученого Комитета. Он сказал следующее:

„Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному преемнику. Великие Держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из Великих Держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских нагорий в наши Монгольские степи. Поездка была так спешна, что Держатель оставался в сед-

ле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии закончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как Великие Держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь Великому Будущему”.

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах в седле вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии. В Монголии они называли Махатм Держателями и не знали, который именно из Махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии они не могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии. Кто приносит эти новости? Из каких тайных ходов появляются неведомые вестники? Встречаясь со скучною рутинною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

Звенят колокола верблюдов. Долгие пустынные переходы.

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом. Что-то прилежно выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор - это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому Учению.

На высотах Шарагольчи, перед Улан-Даваном, на месте, где останавливался Махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы. Все наши ламы и

мы сами носим камни и скрепляем их глиной с травой. Верх субургана строится из дерева и покрывается жестью от бензиновых банок. Мои краски служат для расцветки. Из гор Гумбольта привозится известь - субурган сверкает белизной среди пурпура пустыни. Бурятский лама расписывает красным, желтым и зеленым многие узоры и изображения. Местные монголы привозят Норбу-Ринпоче, скромные дары - бирюзу, кораллы и бусы для вложения в субурган. Приезжает на освящение сам великий лама Цайдама. Монголы клянутся оберегать памятник Шамбале, если только китайцы, дунгане или верблюды не нарушат. Из-за памятника Шамбалы реет Американский флаг.

День Шамбалы. У шатра Шамбалы ламы служат Великому Ригден-Джапо. Перед изображением Владыки поставлено полированное зеркало. Из узорного сосуда на его поверхность льют воду. Струи сбегают по лику зеркала, покрывают его странным узором. Колеблется и живет поверхность. Символ магических зеркал, где выявляется будущее, пишет руны откровений.

Лама, проводник каравана, платком завязывает себе рот и нос.

„Почему? Ведь день не холодный”.

Он поясняет:

„Теперь уже необходимы некоторые предосторожности, мы приближаемся к заповедным областям Шамбалы. Скоро мы встретим „сур”, ядовитый газ, которым охраняется граница Шамбалы”.

Наш тибетец, Кончок, скачет к нам и говорит шепотом:

„Недалеко отсюда, когда Далай-Лама следовал из Тибета в Монголию, все люди и все животные каравана начали дрожать, но Далай-Лама объяснил, что пугаться не следует, потому что караван коснулся заповедной границы Шамбалы и воздушные колебания необычны для каравана”.

Из Кумбума, с родины Тзон-Ка-Па, к нам приехал нирва монастыря со своим украшенным шатром и мно-

гоцветной свитой. Он привез нам подарок и передает знак Шамбалы. Рассказывает, как некоторые китайцы просили недавно Таши-Ламу выдать им паспорта в Шамбалу. Только Таши-Лама может делать это.

Только что Таши-Лама опубликовал в Китае новую молитву о Шамбале. Теперь все может быть достигнуто только через Шамбалу.

Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных.

Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается:

„Чувствуете вы ароматы Шамбалы?“

Солнечное безоблачное утро - сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу:

„Что там такое? Белый воздушный шар?“

„Аэроплан?“

И мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут:

„Знак Шамбалы“.

На сером фоне холмистой пустыни нечто белое сверкает на солнце. Что это может быть? Большая палатка? Или снег? Но в это время не бывает снега в пустыне. Это белое пятно слишком велико для палатки. И почему оно так резко отличается от всего окружающего?

Приближаемся. Подходя, белая масса оказывается еще большего размера, чем казалось. Это огромная бе-

лая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера - целое состояние для дрогиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет:

„Это знак третьей границы Шамбалы”.

Приближаясь к Брамапутре, можно найти еще больше указаний и легенд, связанных с Шамбалой. И еще одно обстоятельство дает этим местам еще более убедительное впечатление: здесь в направлении к Эвересту жил провидец-отшельник Миларепа, слушавший перед восходом солнца голоса Дэв.

Ближе к области Шигатзе на живописных берегах Брамапутры и в направлении к священному озеру Манасаравар еще совсем недавно существовали Ашрамы Махатм Гималаев.

Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их „Азары” и „Кутхумпа”. Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная Махатмами Индии. На этом дворе Гомпа произошел эпизод с письмом, которое было съедено козою и феноменально затем восстановлено. Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне такой скромный Ашрам. Посторонним людям, которые не бывали в этих местах, вопросы о Махатмах не могут быть существенны. Но проходя Транс-Гималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, но целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине может остаться совершенно не потревоженным. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого

случая. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с леденистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно, напитанной горячими источниками. В пустынном нагорьи Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Транс-Гималаях. Когда мы стояли в Нагчу, местные жители рассказывали, что на север от озера Дангра Юмцо, среди обнаженного нагорья в 15000 ф., лежит плодородная долина. Около Лхассы в иных дворах заключены горячие источники, питающие весь домашний обиход.

Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, - вы знаете о Махатмах. Я не собираюсь начать убеждать в существовании Махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Если же кто-то в неведении спросит: „все-таки не есть ли это миф?“ - посоветуйте ему прочесть труд профессора Варшавского университета Зелинского о реальности происхождения греческих мифов. Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри. Нам важно фактами установить, на каких огромных расстояниях живет одно сознание и насколько это сознание свободно открыто для будущего.

На всем Востоке почитание понятия Учителя дало облику Гуру сокровенность и недостижимость.

Понятие Гуру - Учителя только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню из Агни-Йоги легенду о мальчике-индусе, познавшем Учителя.

„Спросили его:

„Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?“

Мальчик улыбнулся:

„Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц“.

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя”.

„Есть проводники электричества, также есть объединители познания. Если варвар посягнет на Учителя, скажите ему, как человечество назвало разрушителей книгохранилищ”.

Основа Востока укрепляется понятием Гуру. Какие прекрасные выражения и достойные жесты находятся в Индии в отношении Учителя.

Многие индусы, китайцы и японские ученые знают многое значительное о Махатмах, но почтение перед Учителем, характерное для Востока, препятствует им объявлять это свое знание посторонним. Значение слова Гуру - Учитель, духовный руководитель, действительно, во всей Азии очень затрудняет вопрос осведомления о Махатмах. Легко понять, почему многие путешественники по Азии вообще не встретились с этим вопросом. Или незнание языков, или совсем противоположные интересы, или просто неудача во встречных людях не позволили им увидеть многое ценное. Ведь все мы знаем, как, посещая музеи и храмы без особого разрешения, мы не можем изучать склады и сокровищницы, где иногда хранятся наиболее ценные предметы.

На Востоке вы можете услышать много рассказов о пропавших людях, и некоторые из этих повестей опять будут соединены Шамбалой. Я мог бы даже назвать вам имя члена одного из научных обществ, который посетил Индию в шестидесятых годах прошлого века. Затем он вернулся на родину, даже появился на придворном приеме, а затем опять поспешно отбыл на Восток, и с этого времени люди не слышали о нем. Впрочем, дошло одно доказательство о его существовании в совершенно необычных условиях.

Можно назвать многих еще живущих, которые лично встречали Махатм. Эти памятные встречи происходили как в Индии, так и в Англии, Франции, Америке и других странах. Когда мы проходили берега Брамалутры, мы вспоминали, как тибетский представитель в Урге

советовал нам посетить необыкновенного отшельника несказуемого возраста, который жил в горном убежище на расстоянии нескольких дневных переходов на запад от Лхассы. Тибетец настаивал, что этот отшельник был совершенно необыкновенным, ибо он был не тибетец, но, как говорили о нем, западный человек.

Мы опять вспомнили, как почтенный житель Сиккима рассказывал нам тоже о странном отшельнике на севере от Китченджунги. Круг завершается. Опять Сикким. Опять сверкание Гималаев остается к северу.

Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям.

Канг-чен-цзод-нга - Пять Сокровищ Великих Снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? - золото, алмазы, рубины?

Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: „придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится Некто, кто откроет великие сокровищницы и напитает все человечество“.

Конечно, вы понимаете, что Некто напитает человечество не физической, но духовную пищу.

Восходя Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое понятие благословляет вас. Шамбала напитает человечество духовной пищей познания великих энергий..

Нет худых вестей из Сиккима.

За это время наш друг Ринпоче из Чумби построил еще два монастыря, и везде есть изображение Майтрейи и Шамбалы.

Наш лама-художник ларива еще в Гуме и написал на стене храма фреску „Мандалу Шамбалы“.

Геше Ринпоче рассказывает в символических образах о мощи эпохи Шамбалы. За эти годы он стал говорить о Шамбале менее скрыто. Ринпоче подарил нам тибетскую книгу, изданную недавно и посвященную

Шамбале. В этой книге собраны молитвы Шамбале, данные Панчен Ринпоче Таши-Ламой во время его последнего путешествия. Из этого собрания молитв вы можете видеть, что духовный глава Тибета в каждом месте, где он останавливался, давал особую молитву Шамбале. Это достойно примечания. А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы.

Седой, уважаемый Гур долины Кулу говорил нам:

„В северной стране - в Утракане - на высоком нагорьи живут великие Гуру. До этого места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот - они не любят Калиюгу. Но в случае надобности они посылают своих учеников - Чела - предупредить правителей народов”.

Так в древней местности Кулу претворяют знание о Махатмах. Передо мною шесть изображений Шамбалы.

Вот самое эзотерическое изображение. Мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху Идам как знак стихийной мощи и тот Таши-Лама, который написал очень закрытую книгу „Путь в Шамбалу”. В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белых границы. В центре - как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне Сам Он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву, и сам Ригден-Джапо - предводитель. Победа духа на великом поле жизни. Новое изображение геше из Таши-Лунпо.

На другом изображении, внизу, та же победная битва. В середине сам Ригден-Джапо, приказывающий. Перед Владыкою все счастливые знаки и сокровища, которые суждены человечеству. За Владыкою дворец, по сторонам его мать и отец. А наверху Будда. Новое изображение из Сиккима.

Третье изображение без битвы, торжественное, со многими золотыми украшениями. В середине крупная фигура - Ригден-Джапо, благословляющий. Перед ним выпуклым золотом сверкает Акдордже, крест из знаков

молнии. Ниже расположены сокровища. Наверху Владыка Будда и по сторонам два Таши-Ламы: Третий и живущий теперь. В этом последнем утверждении выражена современная мысль. Изображение из Гума.

В четвертом изображении вокруг Ригден-Джапо собрались всадники и пешие воины, предводители его войска и советники. Изображение из Нагчу.

Пятое изображение из Таши-Лунпо представляет Ригден-Джапо поучающим нескольких Гуру заветам мудрости.

Шестое старинное изображение привезено из Таши-Лунпо бежавшим ламой. Крупное изображение Ригден-Джапо в середине. За Владыкою спинка трона, в виде синих крыльев, окруженная цветами. В левой руке колесо закона, а правая призывает в свидетели землю. Внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакцев, калмыков, монголов, тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгами, кто с оружием, кто с цветами. В середине сокровище. Битва уже исполнилась. Народы призваны к благоденствию.

Теперь подведем итоги разбросанным указаниям о Шамбале. Учение Шамбалы - это целое учение о жизни. Так же, как в индийских йогах, это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе.

Значит, и Азары и Кудхумпа относятся к Шамбале?

Да.

И Великие Махатмы и Риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многое из цикла Гессернады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарты с подземными городами? Да.

И Минг-сте? И Великий Яркас? И Великие Держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцизна? И черный камень? И Граль?

Lapis Exilis, блуждающий камень? И Чудь Подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Белая Гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни-Йога? И Деджунг? И книга Утаншана? И Таши-Ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же, как и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко оцувствованная, если и не досказанная.

Полагается, что эзотерический буддизм проник в Тибет в VI в. до Р. Х., но до нашей эры эзотерический буддизм имел свои оплоты на склонах Кайласа и на севере Пенджаба, м. б., в местности долины Кулу.

Само учение Шамбалы, хотя считает Аттишу как распространителя этого учения, конечно, существовало несравненно древнее, теряясь в веках.

Шамбала, или „Белый Остров”, указан на запад от Химавата. Можно уважать, с какою осторожностью выдается приблизительное местонахождение этого замечательного места. Бхантеюл и Деджунг являются также названиями самого места „Белого Острова”.

На север от Кайласа к Куэн Луню и Черчену лежала так называемая Аргиаварша, откуда ожидается Калки Аватар.

„Место трех тайн”, „Долина посвящения Будды” - все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая.

Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые из предположений относят это место на крайний север, говоря, что северное сияние есть лучи этой невидимой Шамбалы. Отнесение Шамбалы на север легко понятное.

В Тибете Шамбала называется Чанг-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним.

Манифестация учения произошла в Индии, откуда все по ту сторону Гималаев, очевидно, является северным. На север от Бенареса находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе. Таким образом, еще раз становится ясным, почему за-Гималайская Шамбала называется Северной Шамбалой.

Некоторые указания, затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памирах, Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге „Иезуиты Путешественники по Центральной Азии“ упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 году в Шигатзе. Каселла, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалы. Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных.

Так, например, указывается, что в местности Шамбалы люди живут в юртах и занимаются стадами, почему некоторые думают, что это относится к местности кочевьев Туркестана, но не забудем, что горные киргизы в местностях Куен Луня также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Откроем перевод, сделанный профессором Грюнвеллем, Тибетской книги „Путь в Шамбалу“, написанной знаменитым Таши-Ламой Третьим. Вы будете поражены нагромождениями географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большое осведомление о старых священных местах и о местных терминах может помочь вам как-нибудь разобраться в этой сложной пряже.

И опять вы поймете, почему такой покров нужен. Один из Махатм был спрошен, отчего они так заботливо скрывают свои Ашрамы. Махатма ответил:

„Иначе бесконечные шествия и с запада и с востока и с севера и с юга наводнят Наши уединенные места, куда

без разрешения никто не дойдет и не потревожит Наши занятия". И действительно, это так: отсюда, среди сутолоки города, невозможно и представить, сколько людей стремятся к учению Махатм.

Образованный лама, имя которого сделалось известным на Западе, говорил нам, что много вопросов и писем он получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с Махатмами и как получать их учение. Опять реальность и сокровенное устремление сходятся.

Вы видите, что это не мессианизм, но новая эра могучих энергий и возможностей выражена в понятии Шамбалы.

Теперь каждый день мы поражены открытиями в области физики, обнаружением мощных свойств кислорода, реальностью великого пространственного огня. Когда с высот дается Агни-Йога, тогда совершенно искренно можем обращаться к нашим друзьям в Азии во имя наступающей Шамбалы. С радостной улыбкой мы можем приветствовать великое будущее мощных энергий. „Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь на земле без всякого замедления”.

Наши друзья ведантисты указывают, что эпоха Шамбалы, в отличие от прочих прежних эпох, вместо постепенной эволюционности наступит стремительно. Разговор оборачивается на стремительные завоевания науки последних лет.

Традиция Вед указывает, что близко время, когда новые энергии, ближе всего энергии Агни - космического огня, приблизятся к нашему плану и создадут новые условия для жизни. Время начала приближения этих энергий исчисляется в сороковых годах нашего столетия. Брамачарии Ашрамов, Шри Рамакришны и Свами Вивекананды подтвердили нам эти даты и всю указанную традицию.

Учение о жизни Махатм Гималаев определено говорит о том же, Агни-Йога, в полном согласии с новыми

проблемами науки, намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно обще называлось учением воли и сосредоточения, то Агни-Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии - человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей само-ответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего пойдем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая - огонь. Агни-Йога отделяет действительность от майи, она восстает против „чудес“, вводя феномены в кругозор позитивного знания. „Нужно учиться организации психической энергии“ (§ 384) утверждает Агни-Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать. Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего; Йога обращается ко врачу так:

„Скажите врачу: можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Потому своевременно сказать о наблюдениях за огнями жизни. Советую не откладывать, ибо нужно пояснить миру явления реальности и общности бытия. Незаметно входят в жизнь новые сочетания понятий. Эти знаки, видимые для немногих, составляют основу жизни, про-

никакая во все построения. Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями. Потому следует позвать ученых для освещения очевидности. Врач, не упустит!”

„Учение наше устремляет к познанию совершенных явлений природы, считая человека частью ее”.

„Очевидность препятствует видеть внутренние течения”.

„Каждый может припомнить, как он смешивал случайность с основами, составляя совершенно произвольное представление. То же можно сказать о стихии огня. Кто-то недомыслящий полагает: „Деды жили без познания огня и спокойно сошли в могилу. Какое мне дело до огня?”

Но мыслящий думает: „Откуда необъяснимые эпидемии, иссушающие легкие, гортань и сердце? Поверх всех причин есть еще нечто, непредусмотренное врачами. Не условия жизни, но нечто извне косит толпы”.

Этим путем внимательных наблюдений можно прийти к заключению без предрассудков”. Или Агни-Йога призывает:

„Агни-Йога приходит ко времени. Кто же иначе скажет, что эпидемии инфлуэнцы должно лечить психической энергией? Кто же обратит внимание на новые виды душевных, мозговых и сонных заболеваний? Не проказа, не старая форма чумы, не холера страшны. К ним имеются предохранительные меры. Но следует задуматься над новыми врагами, созданными современной жизнью. Нельзя к ним применять старые средства, но новый подход создается расширением сознания.

Можно проследить, как в течение тысячи лет шли волны болезней. По этим знакам можно составить любопытную таблицу человеческих уклонов, ибо болезни показывают негатив нашего существования. Надеюсь, что живые умы вовремя помыслят. Поздно строить насос, когда дом пылает!”

Так Агни-Йога говорит о психической энергии. Люди совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия,

приведенная в действие, порождает инерцию. Почти невозможно остановить эту инерцию, потому каждое проявление психической энергии продолжает свое воздействие по инерции, иногда даже продолжительно. Можно уже видоизменить мысль, но следствие прошлой посылки все-таки будет пронизывать пространство; в этом сила психической энергии, но и качество, заслуживающее особой заботливости.

Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми послылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные пыльные части, пресекая движение. Когда говорим - летите светло, или - не сорите, предупреждаем о действии.

Все сказанное о психической энергии относится к каждому действию. Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомнит о себе. И дело просвещения - научить человечество обращаться с этим сокровищем. Если наступило время говорить о физических видимых отложениях психической энергии, значит, действительность вступила в очевидность; значит, люди должны неотложно стремиться к овладению психической энергией. Огонь пространства и психическая энергия связаны между собою и представляют основание эволюции.

Как пример жизненных указаний Агни-Йоги можно привести место о последовательности нервных центров. Указывается, что кундалини, как центр, уводящий в самадхи, в дальнейшей эволюции уступает свое значение другому центру около сердца. Этот центр называется чашею и является местом манаса - средоточием чувствования. При расширении сознания чувствование

ведет к действию, которое и является главным отличием будущей эволюции. Центр третьего глаза действует в сочетании с чашею и кундалини. Эта триада как нельзя лучше характеризует действенное начало ближайшей эпохи. Не уводящее восхищение, но деятельное утверждающее начало предопределено для грядущего подвига человечества.

Можно привести из Агни-Йоги множество указаний первой важности, рассыпанных в учении, как драгоценная мозаика.

„Научились ли вы радоваться препятствиям?“ - какое мощное сознание звучит в этом бодром призыве!

„Йога, как высшая связь с космическими достижениями, существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева, они расстилают тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжает путь. Он не отнял ничто чужое. Он не извратил устремление. Он допустил явление благодати пространства. Он дал свободу силам сужденным. Он овладел своим единственным имуществом. Не избегайте сил Йоги, но, как свет, относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем от сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени“.

Так напутствует путника жизни Агни-Йога, данная „в долине Брамапутры, взявшей исток от озера Великих Нагов, хранящих заветы Риг-Вед“.

Слишком долго люди оставались в низшем физическом состоянии. Они должны торопиться овладеть сужденными блестящими возможностями. Вы поражены, когда вспоминаете, что фонограф Эдисона в 1878 году в собрании французской академии был осмеян, как фокус шарлатана. Мы можем вспоминать, как первые моторы были объявлены непрактичными. Как электри-

ческий свет был сочтен опасным для зрения, а телефон - вредным для уха. Теперь это смешно вспомнить, но, к сожалению, это было так недавно. Так трудно человечество воспринимает новые понятия. Предрассудок пронизывал устои общества.

Вы можете себе представить необыкновенно благостное и воодушевляющее впечатление, когда среди белых вершин Гималаев вам приносят почту из Америки. Друзья среди многих сведений широкого размаха присылают ряд газетных вырезок о заседаниях Американского Общества Содействия Развитию Науки, возглавляемого таким славным именем, как профессор Милликан, и другими лучшими силами Америки. Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждаются Агни-Йогой.

Вооруженная древнейшим опытом, Агни-Йога в свободном движении распространения истинного знания говорит о научном исследовании и обосновании сущего. И где же мы видим ответ на этот призыв? За океаном, в Америке, свободные умы ученых, не стесненные предрассудками, обращаются по тому же истинному направлению. Вершины Азии и вершины Америки подают друг другу руки на почве истинного изыскания и самоотверженного утверждения.

Космический луч Милликана, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно, - древние ведические и буддийские традиции подтверждают их. Так встречаются Восток и Запад. Разве не прекрасно, если мы можем приветствовать старые понятия Азии, исходя от нашей современной научной точки зрения?

Если Шамбала Азии уже наступила, будем надеяться, что наша собственная Шамбала просвещенных открытий тоже пришла. „Мировое единение“, „взаимное понимание“ - эти понятия делаются мечтами политического оптимизма. Но ныне даже оптимист должен быть практичен, и понятие мирового единения и взаимного понимания философа должно пойти в реальную жизнь.

Если я обращусь к вам: „Объединимся” - на чем? Может быть, вы согласитесь со мною, что наиболее легкий путь будет через красоту и знание. И эти принципы создадут искренний и общий язык.

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен: „Какая красота и какое знание?”

Но когда я отвечу: „Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы”, тогда я буду выслушан с особым вниманием.

Из моих замечаний вы могли видеть, что учение Шамбалы чрезвычайно жизненно. Не мечты, но самые практические советы даются в этом учении с Гималаев. Агни-Йога и несколько других книг, в которых фрагменты этого учения о жизни даны, очень близки каждому сильному и ищущему духу. Давно уже высказывались многие противоположения востоку и западу, северу и югу. Все это звучало разъединением. Действительно, где же настоящая граница между западом и востоком? Отчего Алжир - восток, а Польша - запад? Не будет ли Калифорния крайним востоком для Китая?

Агни-Йога говорит: „Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового... Старый и новый мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках” (§ 55).

С большой радостью я заметил, что в заседании от 5-го февраля 1929 г. Азиатского Общества Бенгала президент Общества, д-р Рай Упендра Нат Врамачари Бахадур заявил:

„Теория, что „Восток есть Восток и Запад есть Запад, и никогда близнецы не встретятся” - по моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать”.

Итак, надо всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности мирного истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово - Шамбала.

Поистине, стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть произносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад. Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: „Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате“.

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей:

„Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком“.

Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению значит уже двигаться по пути к победе.

Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова: „Калагия!“ Это значит: „Приди в Шамбалу!“

Содержание

Сердце Азии	5
Шамбала	73

Рерих Николай Константинович

СЕРДЦЕ АЗИИ

Гарнитура "Pragmatica".
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 64 x 45 1/8.
Тираж 500 экз.

Отпечатно в типографии "Ласкин и К"
г. Алматы, ул. Макаева, 117

Алматы, 2007 год.

